

10-195к 7

Г. И. МОЖАРОВ

**БОЕВЫЕ ТРАДИЦИИ
ИВАНОВСКИХ ТКАЧЕЙ**

О Г И З
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

24/11/3511

U 922 10-1257-01

8/4

REPRODUCED FROM
ORIGINAL SOURCE

THE NATIONAL ARCHIVES
COLLEGE PARK, MARYLAND

14-10-195

Г. И. МОЖАРОВ

БОЕВЫЕ ТРАДИЦИИ ИВАНОВСКИХ ТКАЧЕЙ

94

О Г И З

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1943

1958

-- 2010

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY

1880

36

ПЕРВЫЕ БИТВЫ

В каждом городе великой страны существуют традиции, связанные с какими-либо выдающимися местными историческими событиями. Трудящиеся Ивановы тоже имеют свои славные боевые традиции. Они возникли в первых революционных боях, которые иваново-вознесенский пролетариат вел с капитализмом под руководством партии большевиков. Они крепились и облекались новым ореолом доблести и славы в огне и буре Великой Октябрьской социалистической революции и на фронтах гражданской войны. Ныне участники отечественной войны с честью поддерживают эти традиции в боях с немецкими фашистами.

*
* *

В время всеобщей стачки 1905 года ивановский пролетариат впервые встал лицом к лицу с всесильным капиталом, как вполне организованный, дисциплинированный боевой коллектив, подготовленный к высшим формам революционной борьбы.

Накануне 1905 года Иваново-Вознесенск являл собой картину самой чудовищной, самой бесчеловечной эксплуатации, какой когда-либо подвергался рабочий класс. Пятнадцатичасовой рабочий день, нищенский заработок, доходивший местами до 7 рублей в месяц, дикий произвол фабричной администрации, хроническое недоедание, собачьи жилищные условия — все это превращало жизнь ивановских ткачей в тяжелую каторгу и порождало у них чувство лютой ненависти к фабрикантам. Почва была настолько минирована всеобщим недовольством, что можно было со дня на день ждать грозного взрыва.

Опыт классовой борьбы у ивановских рабочих уже имелся: в течение двух предшествующих десятилетий они не раз поднимались против своих поработителей.

Начало 1905 года ознаменовалось в Иваново-Вознесенске несколькими стачками, вспыхнувшими в ответ на расстрел рабочих 9 января в Петербурге. Эти стачки были подавлены вооруженной силой.

Но дикий террор не остановил рабочих. Под руковод-

ством большевиков они продолжали борьбу, которая вылилась во всеобщую летнюю стачку.

С самого начала во главе стачки стоял Михаил Васильевич Фрунзе — пламенный большевик и талантливый организатор, которого товарищ Сталин впоследствии охарактеризовал как „одного из самых чистых, самых честных, самых бесстрашных революционеров нашего времени“.

В 1905 году Михаилу Васильевичу было всего лишь 19 лет, но до приезда в Иваново-Вознесенск он уже прошел суровую боевую школу революционной закалки в Петербурге и Москве. Еще будучи студентом Петербургского политехнического института, он принимал активное участие в революционном движении.

Основательно знакомый с великими идеями Маркса, Энгельса, Ленина, Михаил Васильевич вскоре стал одним из выдающихся пропагандистов в революционных рабочих кружках столицы. Он принимал участие в политических демонстрациях против царизма и при одном из столкновений с полицией получил ранение. После этого он попал в список „неблагонадежных“, был арестован и выслан из столицы. В Москве Фрунзе прошел основательную боевую школу профессионала-революционера, и в первых числах мая 1905 года ЦК партии направил его в Иваново-Вознесенск для руководства всеобщей стачкой.

Дальнейшая деятельность Фрунзе тесно связана с революционной борьбой текстильщиков Иваново-Вознесенска и Шуи. Он был не только любимым другом, вождем, организатором рабочих масс, он не только учил их бороться и побеждать, но и сам многому учился у ивановских рабочих. Недаром товарищ Ворошилов назвал его „большевицким воспитанником иваново-вознесенских и шуйских ткачей“.

По приезде в Иваново-Вознесенск молодого Фрунзе приятно поразило то обстоятельство, что местная большевицкая организация состояла преимущественно из рабочих. „Здесь мы можем наблюдать, — писал Фрунзе, — чистый пример непосредственного творчества жизни самим пролетариатом почти без всякого участия других групп населения“.

Действительно, в Иваново была настоящая, подлинно рабочая, подлинно большевицкая партийная организация. В состав ее входили такие замечательные деятели, как Ф. А. Афанасьев („Отец“), Е. А. Дунаев („Александр“), С. И. Балашов („Странник“), Ф. Н. Самойлов.

Особенно яркую фигуру представлял собой Афанасьев. Ткач, старый опытный профессионал-революционер, он еще

в 80-х годах принимал участие в нелегальных кружках и всю свою дальнейшую жизнь отдал самоотверженной революционной борьбе. Он исколесил почти всю Россию, работал в организациях Москвы и Петербурга, много раз саживал в тюрьмах, был в ссылке. Везде он оставлял после себя светлый и яркий след, но в Иванове особенно чтят и чтят его память. Он пользовался огромным влиянием среди иваново-вознесенских рабочих. Он был секретарем городского комитета большевиков и возглавлял нелегальную подпольную типографию.

„Вероятно многие из товарищей, — писал о нем Фрунзе, — помнят худую, сгорбленную от старости и от долголетних скитаний по тюрьмам, в очках, фигуру „Отца“, тихо плетущегося с костылем в руках. Не взирая на болезнь, на лишения, так бродил он из города в город, поступая для добывания куска хлеба на фабрики, и всюду немедленно же принимался за создание партийных кружков“.

Таковы были люди, работавшие с Фрунзе и возглавлявшие первую всеобщую иваново-вознесенскую стачку.

Первые же дни стачки ознаменовались бурными митингами, на которых рабочие ивановцы показали свою революционную организованность и сплоченность.

Первый митинг состоялся на площади перед городской управой. Среди выступавших здесь ораторов ярко выделялся Дунаев — человек очень популярный среди рабочих. На митинге были зачитаны 27 пунктов требований стачечников. В числе этих требований было восемь политических (созыв народных представителей, свобода слова, печати, собраний и т. д.).

На следующий день был избран Совет уполномоченных, который являлся фактически одним из первых в России Советов рабочих депутатов. В него вошло 150 человек — самоотверженных борцов за дело рабочего класса.

С первых же дней своего существования Совет уполномоченных стал огромной политической силой. Значение его как органа пролетарской власти было настолько велико, что с ним вынуждена была считаться не только городская, но и губернская власть.

Губернатор Леонтьев неоднократно вынужден был просить Совет рабочих депутатов разрешить поставить несколько человек рабочих в типографию для печатания объявлений — обращались в Совет и фабриканты за разрешением пропустить через некоторые процессы обработки товары, которые были оставлены рабочими в момент прекращения работы и могли погибнуть.

Являясь органом революционной власти в городе, Совет

уполномоченных добился того, что стачка протекала чрезвычайно организованно. Соблюдался образцовый порядок. Совет затребовал от властей закрытия винных лавок и запрещения азартных игр. Для поддержания порядка в городе он создал свою милицию.

Когда 17 мая полицейские власти запретили в городе устройство митингов и собраний, бастующие перенесли свои сходки на берег Талки. Здесь же проводил свои исторические заседания Совет. Общие собрания на Талке, где собирался весь иваново-вознесенский пролетариат, превратились в своеобразную политическую школу. Здесь читались большевистские газеты, обсуждались общеполитические и злободневные практические вопросы.

Взбешенные революционной стойкостью и дисциплинированностью стачечников, местные власти старались всеми мерами спровоцировать их, чтобы иметь возможность пустить в ход вооруженную силу.

С этой целью вице-губернатором Сазоновым был издан приказ, воспрещающий, под угрозой расправы, всякие собрания. И когда, не взирая на этот приказ, на берег Талки собралось 3 июня несколько тысяч бастующих, — на месте собрания внезапно появился отряд казаков с полицмейстером во главе. Началась зверская расправа над безоружными людьми. „Лес оглашался стонами, криками злобы и проклятьями, улюлюканием пьяных казаков. Голос неистовствовавшего полицмейстера выделялся: „Бей их, сукиных детей, руби, режь“¹.

С этого момента начались, возрастая изодня в день, репрессии против бастующих. Около восьмидесяти революционных рабочих было арестовано и посажено в тюрьмы.

Дикая расправа, учиненная над рабочими, вызвала среди них в первый момент стихийный порыв гнева и ярости. Вслед за побойцем на Талке вспыхнул пожар на фабрике Гандуриных, запылали дачи нескольких других фабрикантов. Но волнение быстро улеглось. Ивановские ткачи сумели сохранить в эти дни всю свою революционную стойкость. На экстренно созванном нелегальном заседании Совета депутатов решено было стачку продолжать.

И она продолжалась. Несмотря ни на какие репрессии, не взирая на растущий голод, нужду и лишения, ивановские ткачи продолжали свою героическую стачку.

Фабриканты пускались на всевозможные хитрости. Они пытались спекулировать на голоде рабочих. Девятого июня завывли фабричные гудки, и фабричные ворота раскры-

¹ Из листовки Северного комитета РСДРП.

лись в ожидании „образумившихся“ ткачей, прядильщиков, ситцепечатников. Но напрасны были надежды капиталистов: ни один из рабочих на фабрику не пришел.

В конце концов и полицейские власти и фабриканты убедились в том, что им не сломить воли рабочих к борьбе и победе. Владимирский губернатор вновь разрешил проводить собрания. Это была первая, ясно ощутимая победа. Вскоре и среди самих фабрикантов стало наблюдаться движение в сторону уступок. Фабрикант Грязнов первым пошел на компромисс. Он объявил о своем согласии установить десятичасовой рабочий день и повысить заработную плату примерно на 20—25%. Кроме того, было обещано отменить обыски рабочих, уволить ненавистных администраторов и не допускать преследований рабочих за участие в стачке. Вслед за Грязновым пошли на уступки фабриканты Кашинцев и Шапов.

Бастующие между тем дошли до такой степени физической изнуренности, что Совет уполномоченных разрешил на ряде предприятий приступить к работе. Подавляющее большинство рабочих вышло на работу в середине июля, а полностью стачка закончилась только в августе.

*
* *

Положение на иваново-вознесенских фабриках после стачки заметно изменилось. Рабочие добились удовлетворения некоторых экономических требований. Но главное значение стачки заключалось не в этом.

Стачка закалила рабочих. Она явилась яркой демонстрацией мужества, стойкости, выдержки и солидарности рабочего класса. Она послужила прекрасной школой политического воспитания иваново-вознесенских ткачей.

Стачка вооружила рабочих боевым и организационным опытом. В этом смысле особую роль сыграли боевые дружины, которые были созданы летом 1905 года. Вооружение их было весьма пестрое — револьверы разных систем, винчестеры, берданки. Однако при столкновении с казаками боевики нередко рассеивали их. Во время стачек они оберегали рабочих от полицейских и черносотенных налетов. В организации боевых дружин деятельное участие принимал Михаил Васильевич Фрунзе.

„Майская стачка, — писал Фрунзе, — остановила промышленную жизнь всего Иваново-Вознесенского текстильного района, и отовсюду, из самых глухих местечек и сел, в Иваново-Вознесенск стекались за советами, инструкциями и указаниями десятки делегаций“.

Под влиянием событий, развернувшихся в Иванове, в середине мая забастовали рабочие всех фабрик в Шуе.

Число бастующих достигло 10 000 человек. Главным руководителем этой стачки был так же Фрунзе.

Серьезные волнения вспыхнули на предприятиях Кохмы. Десятки тысяч рабочих бастовали в Кинешме, Вичуге, Родниках.

Иваново-Вознесенская летняя стачка, — писал В. И. Ленин в 1905 году: „показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки“. (Собр. соч., т. VIII, стр. 278).

В этом состояла великая историческая роль Ивановской стачки. Она послужила преддверием к осенним и зимним событиям 1905 года, подготовкой к вооруженному восстанию в Центральном промышленном районе.

К осени 1905 года революционное движение развернулось по всей стране с огромной силой. Начавшись в первых числах октября забастовкой рабочих Московско-Казанской железной дороги, стачечная волна охватила все крупные промышленные центры России. Началась знаменитая всероссийская политическая стачка. Верный своим традициям, иваново-вознесенский пролетариат единодушно примкнул к движению. Сигналом к этому послужило воззвание Иваново-Вознесенского комитета РСДРП(б), призвавшего рабочих включиться во всеобщую стачку. В день опубликования царского манифеста 17 октября в Иваново-Вознесенске бастовало двенадцать предприятий.

Царская власть ответила на это движение черносотенными погромами и полицейским террором. Жертвой этого террора оказались многие революционные рабочие, члены Совета рабочих депутатов, видные большевики. 22 октября после демонстрации на Талке был зверски убит черносотенцами и казаками один из виднейших руководителей ивановских большевиков Федор Афанасьев. В конце октября был избит и арестован М. В. Фрунзе.

Однако насилия, репрессии и террор не смогли сломить мужества и стойкости ивановских рабочих. На все кровавые преступления властей они отвечали еще большим сплочением своих революционных сил.

В дни декабрьского вооруженного восстания, когда в Москве начались баррикадные бои, из Иваново-Вознесенска отправилась во главе с М. В. Фрунзе на помощь восставшему московскому пролетариату боевая дружина, сформированная из ивановских, шуйских и кохомских рабочих. Это было высшим проявлением революционной солидарности и политической зрелости иваново-вознесенского пролетариата.

*
*
*

Началась эпоха реакции. Но боевые традиции, сложившиеся в суровые дни 1905 года, послужили для иваново-вознесенских рабочих знаменем дальнейшей борьбы за свободу, за новую счастливую жизнь.

На всех этапах этой борьбы, как и в дни майской стачки, неизменно фигурирует имя Михаила Васильевича Фрунзе — признанного вождя иваново-вознесенского пролетариата.

После бурных событий 1905 года он уже из подполья продолжал почти два года руководить революционной борьбой ивановских и шуйских текстильщиков.

В 1906 году иваново-вознесенские и шуйские большевики послали Фрунзе своим делегатом на IV (объединенный) съезд РСДРП. На этом съезде Михаил Васильевич впервые встретился и познакомился с В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

Фрунзе возвратился со съезда обогащенный мудростью ленинско-сталинской революционной тактики. По поручению партийной организации он написал прокламацию, в которой изложил отношение большевиков ко второй Государственной думе.

Между тем реакция изо дня в день усиливалась. Полиция повсюду производила массовые аресты. 23 марта 1907 года жандармам удалось, наконец, арестовать до тех пор неуловимого Фрунзе. Его популярность была настолько велика, что среди шуйских и ивановских рабочих этот арест вызвал серьезные волнения. Шуйская боевая дружина собиралась прибыть во Владимир и силой освободить Фрунзе из-под ареста. И только путем новых массовых арестов полиции удалось предотвратить нападение рабочих на тюрьму.

Более трех лет длился судебный процесс против Фрунзе. Дважды приговаривался он к смертной казни и в конце концов был осужден на шесть лет каторжных работ. Это было уже в конце 1910 года.

Лишь четыре года спустя — весной 1914 года — Михаил Васильевич был освобожден из Николаевской каторжной тюрьмы и направлен на поселение в Иркутскую губернию. После этого — новый арест, снова тюрьма, а затем — опять долгие годы кичушей революционной работы.

В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. НА КОЛЧАКА

Путь от 1905 года к Великой Октябрьской социалистической революции в жизни иваново-вознесенского пролетариата был отмечен очень крупным событием, в котором боевые традиции ивановских ткачей нашли новое яркое выражение.

Уже в первой половине 1915 года в Иваново-Вознесенске, так же как и повсеместно в России, начали обнаруживаться признаки хозяйственного развала, вызванного затянувшейся войной. Этот развал сказался прежде всего в остром продовольственном кризисе. В то время как буржуазия наживала на военных поставках чудовищные прибыли (до 135%), рабочие вынуждены были сидеть на голодном пайке.

Продовольственный кризис, военные неудачи, миллионы человеческих жизней, погибших на фронтах войны, — все это порождало недовольство, углубляло ненависть рабочих к существующему строю, усиливало рост революционных настроений. Среди широких масс рабочих поднималось серьезное движение против войны, против царизма. Это движение, возглавляемое большевиками, проходило под лозунгом „Долой войну“.

Уже с весны 1915 года в Иваново-Вознесенске начались крупные стачки. Стаечное движение день ото дня усиливалось. Десятого августа на всех предприятиях города под руководством Иваново-Вознесенского комитета РСДРП была проведена грандиозная политическая стачка. К трем часам дня в городе бастовало уже 32 предприятия. Число бастующих достигало 25 тысяч человек.

Встревоженные нарастающим движением, местные власти приняли контрмеры. Еще 9 августа, накануне стачки, в городе был арестован весь руководящий большевистский актив. Десятого августа были мобилизованы все силы для кровавой расправы над рабочими. С утра к фабрикам были двинуты казачьи разъезды. Всюду сто-

яли усиленные наряды полиции. Из квартирующего в городе запасного батальона было вызвано несколько рот.

Многотысячная толпа рабочих, во главе с испытанным большевиком, рабочим гарелинской фабрики Федором Зиновьевым, собралась у здания городской управы. Состоялся бурный митинг. Выступавшие ораторы требовали освобождения арестованных товарищей и призывали к борьбе за свержение власти помещиков и капиталистов. Затем огромные колонны демонстрантов двинулись к тюрьме. Около Приказного моста их встретил взвод солдат под командой прапорщика Носкова. После троекратного предупреждения раздался ружейный залп. Несколько рабочих, в том числе Федор Зиновьев, упали, на смерть пораженные пулями. Затем началось зверское избивание рабочих. В результате расправы, учиненной царскими палачами, было убито 30 рабочих и ранено 53 человека.

Августовская стачка 1915 года, завершившаяся массовым расстрелом рабочих, была как бы предвестником грядущей великой революционной грозы. Массовый расстрел иваново-вознесенских рабочих не сломил их мужества и не расстроил их рядов. Иваново-Вознесенск остался попрежнему мощной крепостью большевизма.

Несокрушимым оплотом большевизма оставался он и в дни Великой Октябрьской революции, и в годы гражданской войны. И в эту бурную эпоху, как и в грозовой 1905 год, все сколько-нибудь значительные события, пережитые ивановскими ткачами, неизменно связываются с именем Михаила Васильевича Фрунзе. Как и в 1905 году, мы снова видим его в роли вождя и вдохновителя ивановских рабочих, поднявшихся на последний и решительный бой против врагов революции.

В революционном Петрограде только что отгремели выстрелы „Авроры“. На улицах Москвы шел яростный бой — московский пролетариат под руководством большевистской партии штурмовал твердыни капитализма. В один из этих тревожных дней, утром 10 ноября, к Московско-Ярославскому вокзалу подошел поезд с отрядом вооруженных ивановских и шуйских ткачей. Сразу же с поезда этот отряд был брошен в центр сражения, на Театральную площадь, где он должен был выбить засевших в гостинице „Метрополь“ юнкеров.

Во главе этого отряда находился Михаил Васильевич Фрунзе. Его боевые друзья, сражавшиеся с ним рука об руку, проявили в этом бою героическое мужество, отвагу и непреклонную волю к победе. Боевое задание револю-

ционного штаба было выполнено блестяще. Отряд Фрунзе выбил юнкеров из „Метрополя“

Весь 1918 год у Фрунзе прошел в кипучей созидательной работе, в напряженной борьбе за укрепление советской власти в Иваново-Вознесенске. Фрунзе занимал пост председателя Иваново-Вознесенского губисполкома. В то же время он являлся председателем губкома РКП и, кроме того, руководил работой губернского совета народного хозяйства. После подавления ярославского мятежа он был назначен на пост окружного военного комиссара. Это был государственный деятель большого масштаба. Деятельность его была кипучей и разносторонней. Ни один из вопросов, встававших перед местными партийными, советскими и хозяйственными организациями, не разрешался без его активного участия.

Но все это было лишь короткой передышкой перед новыми битвами.

Мы помним, с какой грозной стремительностью развивались события тех памятных лет.

Еще не успели московские мостовые остыть от уличных октябрьских боев, как над измученной, голодной страной уже собрались черные тучи гражданской войны.

*
* *

Летом 1918 г. Советская республика уже была опоясана огненным кольцом фронтов.

Все Среднее Поволжье, Урал, Сибирь были захвачены чехо-словаками. На Дальнем Востоке орудовали японские интервенты. С севера грозили походом на Москву войска международного империализма с их ставленником — белым генералом Миллером. На Дону хозяйничал казачий генерал Краснов. Северный Кавказ был под контролем Деникина.

Прибалтика, Белоруссия и богатейшая житница советской земли — Украина были захвачены германскими оккупантами. Вероломно нарушая ею же самой подписанный мирный договор, Германия еще весной 1918 г. обрушила на Белоруссию и Украину превосходно вооруженную 300-тысячную армию. Вторгшиеся в этот цветущий край германские полчища несли с собой смерть и опустошение. Все, что попадалось им на пути, предавалось огню, мечу и самому беспощадному разграблению.

Но свободолюбивый украинский народ, в тесном союзе с русским народом, проявил и на этот раз таившийся в нем могучий дух сопротивления, который не под силу было сломить немецким разбойникам. Против иноземных

захватчиков грозным валом поднялись народные массы, возглавляемые партией большевиков. Огромную роль в начавшейся отечественной войне сыграло партизанское движение, охватившее всю Украину. Из этого движения рождались такие народные герои, как знаменитый Щорс, полки которого беспощадными ударами громили германскую военную машину.

Отечественная война закончилась в течение нескольких месяцев полным разгромом оккупантов. К концу года германская армия, политически и морально разложившаяся, в полном беспорядке покидала Украину.

Но война против немецких оккупантов была лишь одним из крупных эпизодов в длительной и грозной эпопее гражданской войны. Кольцо военной блокады продолжало все туже стягиваться вокруг Советской республики.

Подготавливался первый поход Антанты на Советскую Россию. С северо-запада грозила наступлением на Петроград армия генерала Юденича. На Дону и Северном Кавказе действовал, поддерживаемый интервентами, Деникин. Главный удар, по замыслу Антанты, должен был нанести с востока Колчак. Еще в декабре 1918 года ему удалось, при содействии троцкистских предателей, прорвать Восточный фронт и взять Пермь. Над страной нависла смертельная угроза. Тогда Центральный Комитет партии направил на Восточный фронт товарища Сталина, который с присущими ему энергией и решительностью в короткий срок ликвидировал угрозу.

Вся страна была поднята на защиту молодой республики. Лозунг „Все на Колчака“, провозглашенный ЦК большевистской партии, вызвал мощное патриотическое движение среди широких масс трудящихся.

Громадный размах получило это движение в Иваново-Вознесенской губернии.

Иваново-вознесенский пролетариат никогда не оставался равнодушным к совершавшимся в стране крупным политическим событиям и всегда стремился активно в них участвовать.

Уже первые дни гражданской войны были ознаменованы посылкой из Иванова на фронт ряда добровольческих рабочих отрядов.

Первый такой отряд был сформирован в Иваново-Вознесенске 30 января 1918 г.

В декабре того же года, когда возникла новая угроза с востока, иваново-вознесенские большевики, в ответ на призыв ЦК партии, решили сформировать отряд особого назначения для отсылки на Восточный фронт.

Организацию этого дела принял на себя Михаил Васильевич Фрунзе, который к тому времени был назначен командующим Четвертой армии.

Было опубликовано воззвание губкома партии. Оно звучало коротко и выразительно:

„Записывайтесь в отряд товарища Фрунзе!“

На митингах, где собирались рабочие со всех фабрик, Фрунзе говорил:

— Мы одеваем всю страну, но нам самим нужны для этого хлопок из Туркестана, нефть из Баку, хлеб из Сибири. Колчак отнимает у нас основы существования, приговаривает к смерти наших детей. Мы с вами не слышим выстрелов, но фронт уже дошел до нас...

Воззвание губкома встретило среди иваново-вознесенских ткачей широкий и горячий патриотический отклик. Началась запись в отряд. Проявленная при этом активность была так высока, так мощен был приток желающих ехать на фронт, что на партийных и рабочих собраниях обсуждался вопрос: кому в первую очередь предоставить почетное место в отряде.

Были случаи, что в отряд записывались вместе муж и жена, отец и сын. В некоторых партийных ячейках после ухода добровольцев оставалось по два-три человека. Некоторых коммунистов приходилось оставлять в Иванове насильно, в порядке партийной дисциплины. При этом М. В. Фрунзе говорил:

— Не торопитесь, готовьте себе смену, борьба будет длительной, еще много таких отрядов придется посылать.

В отряде было немало женщин-патриоток.

Участница гражданской войны А. Белова пишет в своих воспоминаниях:

„... Запись в отряд шла в клубе коммунистов. Находился он там, где сейчас помещается областная комитет ВКП(б). У меня был ребенок шести месяцев и отец — шестидесятилетний старик. Но я все-таки решила пойти на фронт. Ребенка взяла сноха, отцу обещали выдавать пособие, и я записалась в отряд особого назначения. Было нас в отряде двенадцать женщин, в числе их Шарова, Лида Челнокова, Маруся Рябинина, Цибизова и другие“.

До отправки на фронт добровольцев разместили в казармах, где они прошли краткосрочное военное обучение.

А. Макаров и Н. Чухнин вспоминают, как каждое утро к ним в казарму приходили Фрунзе и Фурманов и вели с ними беседы на политические темы.

— Вы должны, — говорил им Фрунзе, — все время носить в себе чувство ненависти к врагу и сознание необходимости победить во что бы то ни стало. Когда человек идет бодро, сознавая свою цель, он не замечает, как пули летят.

После нескольких дней обучения первый тысячный отряд особого назначения выехал на фронт, где вскоре был развернут в 220-й Иваново-Вознесенский полк и вошел в состав героической 25-й чапаевской дивизии.

Фрунзе, в то время командующий Южной группой Восточного фронта, говорил ивановцам: „Вы должны стать цементом дивизии“.

И ивановцы с честью оправдали доверие любимого командира. Правда, первое время не обходилось без некоторых трений. Чересчур „штатский“ облик прибывших на фронт текстильщиков вызывал со стороны чапаевцев насмешки. Они говорили, иронически ухмыляясь: „Эти навоюют!“ Но все эти шероховатости быстро сгладились. Ивановцы начали говорить о себе: „Мы чапаевцы“. И коренные чапаевцы из-под Хвалынска и из-под Пугачева уже не встречали эти слова насмешливыми улыбками. — „И все чаще и чаще бывало, — вспоминает один из ивановцев, — что они нас и мы их выносили из огня, выручали из самых трудных положений“...

Вскоре 220-й полк стал подлинным ядром всей 25-й дивизии. Ивановские текстильщики принесли с собой в чапаевскую дивизию, отличавшуюся некоторыми чертами партизанщины, высокую политическую сознательность, железную большевистскую дисциплину, твердость и волю к победе. В бой они шли всегда с неустрашимым мужеством.

Между тем иваново-вознесенские большевики не ограничивались посылкой одного отряда. Вслед за первой тысячей вскоре последовала отправка второй тысячи беспартийных и партийных патриотов, во главе которых поехал будущий комиссар чапаевской дивизии Дмитрий Фурманов.

В свою очередь Михаил Васильевич Фрунзе не терял связи с родной своей революционной отчиной — Иваново-Вознесенском. О том, насколько глубока и органична была эта связь, насколько глубоко и действенно было в те грозные годы единство фронта и тыла, красноречиво свидетельствуют письма Михаила Васильевича, адресованные на имя иваново-вознесенских организаций.

Вот одно из этих писем, датированное 25 февраля.

„В Иваново-Вознесенский губернский комитет Российской коммунистической партии (большевиков).“

Дорогие товарищи. Обращаюсь к вам с горячей просьбой о поддержке. Армия находится в крайне тяжелом положении. Особенно нужны пополнения и как можно скорей. Армии предстоит задача дойти до Ташкента и дальше, а настоящий красноармейский состав, преимущественно из уроженцев Самарской губернии, для выполнения указанной задачи непригоден. Жду присылки пополнений от Вас. Идет формирование целой бригады (Иваново-Вознесенской), ядром которой является иваново-вознесенский отряд. Зная состояние (неразборчиво) округа, я не ожидаю людей вооруженных. Шлите пополнение сколько сможете, хотя обмундированными. В первую очередь надо довести до штатного состава Иваново-Вознесенский стрелковый полк. Пополнение присылайте прямо на Покровск в Запасной батальон. Командующий армией М. Фрунзе“.

Другое письмо адресовано губисполкому для передачи Пятому Иваново-Вознесенскому губернскому съезду советов:

„Передайте 5-му съезду Советов Красной Иваново-Вознесенской губернии от моего имени, от имени Ив.-Вознесенского стрелкового полка и всей вверенной мне армии искреннюю благодарность за присланный привет и выражение готовности помочь в трудную минуту. Объединение красного тыла и фронта залог того, что всем посягательствам на право бедноты будет дан должный отпор. Чувствую за собой могучий резерв трудящихся. Мы, красноармейцы, крепко держим винтовку в руках и смело смотрим вперед. Командарм 4 Фрунзе“.

2. ГИБЕЛЬ МАРУСИ РЯВИНОЙ

Весной 1919 года Колчаку удалось оправиться от нанесенного ему удара и сформировать при содействии западно-европейских империалистических держав новую мощную армию.

Захватив 13 марта Уфу, он грозной лавиной повис над Волгой, угрожая Симбирску и Самаре. Его расчеты сводились к тому, чтобы соединиться на юге с Деникиным и совместным ударом захватить Москву.

Советским правительством и партией большевиков были приняты все меры к тому, чтобы организовать отпор врагу. Из армий Восточного фронта была выделена Южная группа, во главе которой был поставлен М. В. Фрунзе. Фрунзе решил бросить навстречу Колчаку лучшие свои

части, ударным ядром которых являлась Чапаевская дивизия. В состав этой дивизии, как уже сказано, входил 220-й полк иваново-вознесенских ткачей.

22 апреля вся Южная группа под командованием Фрунзе двинулась в решительное контрнаступление. Головную часть наступающих красных войск составляла Чапаевская дивизия.

Под Бузулуком Чапаев дал первый решительный бой колчаковцам. После ожесточенного сопротивления противник начал отход. Чапаевские полки бросились преследовать его. Более месяца продвигались с кровопролитными боями части Южной группы в направлении на Уфу, преследуя по пятам отступающих колчаковцев. Сокрушительными ударами были разгромлены один за другим четвертый, шестой и второй колчаковские корпуса.

Особенно ожесточенным был бой на подступах к Бугуруслану. И здесь под селом Заглядиным, на речке Боровке, разыгрался один из самых трагичных и в то же время самых прекрасных эпизодов этой героической эпопеи.

Среди ивановцев, составлявших 220-й полк, было немало женщин. Они шли в бой, они переносили все тяготы боевой жизни с выдержкой и мужеством, вызывавшими всеобщее восхищение. Если нужно было оказать помощь раненым, они шли в окопы перевязывать раны. Нужно было идти в разведку — шли в разведку. Нужно было в цепь — выбегали в цепь и шли перебежками в атаку наравне с мужчинами.

И была среди этих героических девушек ивановская текстильщица Маруся Рябинина, бывшая работница фабрики Грязнова, коммунистка.

Чапаевский комиссар и впоследствии известный писатель Дмитрий Фурманов знал Марусю Рябинину еще в бытность свою в Иваново-Вознесенске. Там он встречал ее в штабе Красной гвардии. „Была она, — пишет Фурманов, — девушка вовсе ранняя, годов семнадцати. Лицом круглая, в щеках румяна, носик торчал красной шишечкой, светлозеленые шустрые глаза посверкивали через темную изгородь ресниц. Русые гладкие волосы Маруси отхвачены, коротко и неровно из-под платочка торчали они за ушами и на затылке. Ходила Маруся в кожаной стужурке, в плотной черной юбке — так ходила и лето и зиму, другого костюма не знала“.

Когда отряд добровольцев, в который записалась Маруся Рябинина, уезжал из родного города на Восточный фронт, провожать его вышло чуть ли не все население Иваново-Вознесенска. Состоялся митинг. От имени ткачих,

уезжающих на фронт, выступила Маруся. Обращаясь с последними прощальными словами к провожающим, она сказала, поднимая руку кверху:

— Колчак будет бит — слышите!

И это прозвучало как суровая и торжественная клятва.

Во многих боях участвовала Маруся Рябинина. Она сражалась вместе со своим полком и под Бузулуком и под Пилюгиним. Весь боевой путь от Волги до Уфы прошла с винтовкой в руках, простым бойцом. Была она первой запевадой и всеобщей любимицей в полку.

Возле села Заглядино Чапаев дал приказ 220-му полку переправиться через речку Боровку и выбить врага из окопов.

Грохотали орудия. Два раза бросался Ивановский полк в атаку и дважды, подойдя к реке, спешно отходил под ураганным огнем противника. Тогда комиссар дивизии Дмитрий Фурманов встал во главе одного из батальонов и сам повел его в третью атаку. Но снова, подойдя к речке, бойцы не выдержали бешеного огня, дрогнули и подались назад. Оглянувшись, Фурманов увидел, что он остался один. Но в тот же момент выскочила вперед девушка в красноармейской шинели и с винтовкой в руках и, крикнув: „За мной, товарищи, вперед!“ — кинулась в воду. Бойцы, как один, повернули и с криком „ура!“ бросились вслед за Марусей...

Грохнула с того берега бешеная дробь пулемета. И первая пуля — в лоб Марусе. Выскользнула винтовка из ее ослабевших рук, волны подхватили теплый девичий труп. Но бойцы уже переплыли реку и стремительным яростным ударом выбили врага из укреплений.

После боя Фурманов созвал митинг бойцов и, выступив с речью, сказал:

— Нет больше нашей звонкоголосой Маруси. Она не посрамила славного прошлого ткачей и пала за счастье рабочего класса.

А Чапаев, когда узнал о трагической гибели Маруси Рябининой, снял шапку и тихо сказал:

— Таких бы побольше. Отдала все, что могла. С нее пример надо брать.

3. НА ПОДСТУП К УФЕ

4 июня передовые части Южной группы подошли к Уфе. Здесь должен был произойти решающий бой, исход

которого предопределял не только судьбу Восточного фронта, но, быть может, даже судьбу всей Советской республики.

Расположенная на высокой горе, вся утопающая в зелени садов, Уфа на первый взгляд казалась совсем близкой и доступной. Но ее отделяли от красных полков два препятствия, которые колчаковское командование считало неприступными: широко разлившаяся река Белая и несколько рядов окопов и проволочных заграждений на противоположном крутом берегу.

6 июня М. В. Фрунзе приехал в штаб 25-й дивизии. На совещании командиров и комиссаров он поставил перед дивизией задачу — взять Уфу, выделив для этого ударную группу. В состав ее вошел 220-й Иваново-Вознесенский полк. Решено было форсировать реку Белую.

Но командарм не ограничился этим совещанием. Перед началом боя он поодиночке вызывал к себе батальонных и некоторых ротных командиров своего боевого детища — Иваново-Вознесенского полка — и сердечно, дружески беседовал с ними.

Фрунзе подробно расспрашивал командиров о хозяйственных и прочих делах батальона, о том, как ведут себя те или иные добровольцы, как держали они себя в недавних боях. Ведь он хорошо помнил каждого добровольца, так как каждого опрашивал лично перед отправкой на фронт.

Затем он переходил к главной теме беседы.

— Уфу мы, конечно, возьмем, — заявлял он твердо и решительно. — Мы возьмем ее в течение ближайших сорока восьми часов. Сегодня ночью мы форсируем Белую. Переправу начнет 25-я дивизия, и в первых цепях пойдет ваш полк.

В сжатых и точных словах Фрунзе излагал перед командирами свои соображения относительно исхода предстоящего боя. Указал на все преимущества противника. У Колчака шестнадцать боевых самолетов, а у красных частей — ни одного. Нет достаточных транспортных средств для переправы.

— И все же, — говорил в заключение Фрунзе, — мы должны победить. Если мы нанесем колчаковцам еще один удар, — они не оправятся. Они покатаются назад до самого Тихого океана...

В ночь на 7 июня начался знаменитый бой за Уфу — бой, овеявший новым блеском славы боевые знамена Чапаевской дивизии и 220-го Иваново-Вознесенского полка.

Переправа через реку Белую, предпринятая у села Красный Яр, в нескольких километрах от Уфы, производилась в невероятно тяжелых условиях. Транспортных средств почти не было. Единственный отбитый недавно у колчаковцев буксирный пароходик вмещал в себя не более двухсот пятидесяти человек. Но чапаевцы выходили и не из таких положений. Бойцы натащили откуда-то лодок, челноков, пригнали старый продырявленный баркас, соорудили несколько плотов...

Под покровом ночи удалось благополучно перебросить на правый берег значительные силы во главе с ивановским полком.

Но Колчака трудно было застигнуть врасплох. Он прекрасно понимал, что потеря Уфы грозит ему крушением всех его стратегических планов. Поэтому он спешно собрал все лучшие силы, организовал „кулак“ из отборных каптелевских офицерских частей и бросил их навстречу чапаевцам. Тут и был применен им тот знаменитый метод „психической атаки“, который стал широко известен советской общественности по кинофильму „Чапаев“. Колчак рассчитывал почти наверняка, что измученные многодневными походами и изнурительными боями усталые, голодные красные бойцы не в силах будут выдержать натиска блестяще вооруженных офицерских частей... И, по всей вероятности, Колчак действовал бы с еще большей уверенностью, если бы он знал, что в самый разгар боя запасы патронов и артиллерийских снарядов у чапаевцев почти совершенно истощатся...

Между тем чапаевцы с ивановским полком в передовых цепях продвигались вперед.

На восходе солнца начались первые стычки. Заговорили тяжелые орудия противника.

Воздух содрогался от ужаснейшей канонады. Но почти вся чапаевская артиллерия пока еще оставалась на том берегу Белой и не могла поддержать атакующих. Лишь несколько легких орудий следовало за Ивановским полком.

К середине дня офицерские части Колчака, поддержанные авиацией и артиллерией, перешли в стремительную контратаку.

Предстояло отразить натиск прекрасно вооруженных, уверенных в своем превосходстве офицерских батальонов. Нужны были колоссальное самообладание и железная выдержка. Все это нашлось у красных бойцов, и атака была отбита. Но противник в остервенелой ярости бросал в бой все новые и новые силы. Атака следовала за атакой.

Под этим бешеным натиском в рядах ивановцев произошло замешательство. Они дрогнули.

В этот момент неподалеку от лежавшего в резерве батальона ивановцев появилась на опушке леса группа всадников в кожаных куртках. Повидимому, это были штабные. А минут пятнадцать спустя ивановцы заметили отделившегося от этой группы и ползущего к ним среди ржи человека. Бойцы узнали в этом человеке Фрунзе.

Осведомившись о положении дел, он с обычным для него спокойствием сообщил, что патроны и снаряды должны прибыть с минуты на минуту. Затем с одним из бойцов послал письменное распоряжение командиру полка.

Через несколько минут батальон выходил на линию огня. А по всей цепи тем временем уже пронеслась весть: — Фрунзе с нами!

С винтовкой в руках отважный командарм бросился вперед, крикнув:

— Ивановцы, за мной! В атаку вперед!

Ткачи увидели своего любимого полководца. И — словно вихрь пронесся по цепям... Куда девалась усталость! С криком „Ура! Фрунзе с нами!“ — красные бойцы ринулись вперед.

Охваченные яростным порывом, чапаевские полки вслед за ивановцами с неудержимой силой устремились на врага. Неприятельские цепи, не выдержав натиска, покатались назад. До ночи длился жестокий бой.

Ночью офицерские части предприняли еще несколько контратак, пытаясь внезапными ударами деморализовать измученных дневным боем чапаевцев. Но эти попытки окончились для них бесславно. Не выдержав встречного удара, отборные офицерские части обратились в бегство перед оборванными, усталыми красноармейцами.

Судьба Уфы была решена. Еще несколько схваток, — и красные части победоносно вступили в освобожденный город. Первым открывал это триумфальное шествие 220-й Иваново-Вознесенский полк.

В бою под Уфой красными частями было уничтожено шесть отборных колчаковских полков, в том числе офицерский полк и полк Иисуса Христа.

Мужество и героизм, проявленные ивановцами в бою под Уфой, засвидетельствовал сам Михаил Васильевич Фрунзе.

„Лично находясь в передовой цепи полка, — телеграфировал он Ивановскому губернскому комитету партии, — я смог убедиться в беззаветном мужестве иваново-вознесенцев“.

4. ЕНАЙКИНСКОЕ ДЕЛО

Короткая передышка, наступившая для чапаевской дивизии после уфимского боя, была неожиданно прервана приказом Фрунзе, предлагавшего Чапаеву в спешном порядке двинуть свои силы к Уральску. Приказ этот был вызван тем обязательством, что вот уже два месяца Уральск, где находилась 22-я дивизия, осаждали белоказачьи войска, сильно активизировавшиеся за последнее время и уже успевшие вновь занять Лбищенск.

Чапаев немедленно повел свои полки на выручку 22-й дивизии, с обычной для него молниеносной стремительностью напал на белоказачков и разгромил в коротком сражении целый белоказачий корпус. Уральск был освобожден от осады. Вскоре после этого был взят и Лбищенск. Наступила новая передышка. Штаб Чапаева находился в это время в Лбищенске, а Иваново-Вознесенский полк был расквартирован в станице Сахарной — по Большому Уральскому тракту на пути в Гурьев.

Но и эта передышка длилась недолго. В один из ненастных сентябрьских дней полку был дан приказ — готовиться к выступлению, а поздно вечером в тот же день всем стало известно, что полк отходит назад.

С тяжелым чувством восприняли боевые ивановцы эту неприятную весть: слово „отступить“ было нетерпимым в словаре всех истинных чапаевцев. Но худшее было еще впереди...

Когда ивановцы отошли верст на двадцать, командир полка объявил всем, что Чапаев погиб во время схватки с белоказаками, напавшими ночью врасплох на чапаевский штаб.

Горе, охватившее бойцов и командиров при известии о гибели любимого комдива, не поддавалось описанию. Ведь многие из них лично знали героя.

Это скорбное событие омрачило и встревожило доблестных ивановцев, но не сломило их мужества. Наоборот, в сердце каждого бойца, оплакивавшего гибель комдива, вместе со скорбью вскипала с утроенной силой ярость против врага и жажда мести.

Отступая, ивановцы задержались ненадолго в Лбищенске. Здесь были предприняты, но увя, безуспешно, — поиски тела погибшего Чапаева. Удалось найти лишь трупы зарубленных казаками комиссара дивизии Батурина и его помощника Крайнюкова.

А дня два спустя близ хутора Енайкинского произошло

знаменитое в истории Иваново-Вознесенского полка сражение с белоказаками.

Для ивановцев этот бой был подлинным испытанием их мужества, выдержки и воинской доблести. На стороне казаков, обрушившихся на ивановский полк, было не только численное превосходство, но и перевес в технике: их наступление было поддержано огнем крупного подразделения броневиков. Тут на месте ивановцев легко можно было пасть духом. Но боевой дух ивановских ткачей оказался и на этот раз несокрушимым. Образ погибшего Чапая ярким видением вставал в памяти бойцов и воспламенял их жаждой мести. И они сражались как подлинные герои...

Однако наступил такой момент в ходе боя, когда, казалось, должно было надломиться железное мужество ивановцев. Это произошло, когда один из вражеских броневиков вдруг ворвался в расположение Ивановского полка и начал в упор расстреливать бойцов. Момент был критический. Судьба полка висела на волоске. И вот тогда-то проявились у командира полка все лучшие качества недюжинного полководца: железная выдержка, находчивость и отвага.

Не колеблясь ни минуты, он дал приказ командиру артиллерийского дивизиона: огонь всех батарей сосредоточить на броневике, который сейчас сеял смерть в рядах ивановцев.

Командир дивизиона был заметно смущен.

— Как же так, товарищ Горбачев, — нерешительно заметил он. — Ведь своих же перебьем...

— Риск небольшой есть, — сказал командир полка. — Зато сколько народу он у нас покосит, если мы его не перебьем сейчас же.

Приказ был приведен в исполнение. Ураганным огнем артиллерии броневик был в несколько минут выведен из строя.

После этого огонь был перенесен на остальные машины. Броневики не выдержали и отошли назад. И сразу же дрогнули и покатались назад расстроенные казачьи цепи. При поддержке подоспевшего на помощь Саратовского полка ивановцы долго преследовали их.

5. С НИМИ ГОВОРИЛ ЛЕНИН

Много прошумело пламенных митингов на площади перед старым иваново-вознесенским вокзалом в годы гражданской войны. Много новых добровольческих отрядов ухо-

дело сражаться на фронт. И не было, кажется, такого участка на фронтах гражданской войны, где бы не сражались за родину отважные ивановские ткачи.

Урал, знойное Семиречье, Польша, Северный фронт, Перекоп — всюду, где бы ни закипали бои, в рядах сражающихся можно было увидеть ивановцев.

Осенью 1919 года Деникин двинулся с юга на задыхавшуюся в кольце блокады молодую республику. Страшна была назревавшая угроза. Но уже готовился могучий железный отпор. Руководство операциями против белого генерала было поручено гениальному стратегу революции — Сталину. Над страной могучим кличем пронесся призыв Ленина: „Все на борьбу против Деникина“.

И снова в ответ на призыв вождя пошли записываться в добровольческий отряд верные своим боевым традициям ивановские большевики и беспартийные рабочие. Все организации — и партийные, и профсоюзные, и комсомольские — были охвачены этим движением и посылали на фронт лучших своих людей.

В. И. Ленин знал этих людей. Он видел их, когда они были проездом в Москве, и говорил с ними. И вот что он сказал об этих людях в своей речи, произнесенной 24 октября 1919 года перед слушателями Свердловского института:

„Сегодня я видел товарищей иваново-вознесенских рабочих, которые сняли до половины всего числа ответственных партийных работников для отправки на фронт. Мне рассказывал сегодня один из них, с каким энтузиазмом их провожали десятки тысяч беспартийных рабочих, и как подошел к ним один старик, беспартийный, и сказал: „Не беспокойтесь, уезжайте, ваше место там, а мы здесь за вас справимся“. Вот, когда среди беспартийных рабочих возникает такое настроение, когда беспартийные массы, не разбирающиеся еще полностью в политических вопросах, видят, что мы лучших представителей пролетариата и крестьянства отправляем на фронт, где они берут на себя самые трудные, самые ответственные и тяжелые обязанности и где им придется в первых рядах понести всего больше жертв и погибнуть в отчаянных боях, — число наших сторонников среди неразвитых беспартийных рабочих и крестьян вырастает вдесятеро, и с войсками колебавшимися, ослабевшими, усталыми происходят настоящие чудеса“ (Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 499).

Замечательное революционно-патриотическое движение, о котором говорил В. И. Ленин, не ослабевало в Иваново-

Вознесенске на протяжении всей гражданской войны. И вдохновителем этого движения являлся, как и в первые дни войны, М. В. Фрунзе.

Он не раз обращался к ивановским большевикам с просьбой о присылке на фронт новых пролетарских пополнений.

В конце 1919 года, уже командуя армиями Туркестанского фронта, Михаил Васильевич телеграфировал в Иваново-Вознесенск:

„Поднимайте самую энергичную кампанию под лозунгом „В поход за хлопком“, организуйте пополнение армии рабочими текстилями“.

На каждый такой призыв своего любимца иваново-вознесенские ткачи дружно отвечали посылкой новых своих отрядов.

Мы знаем, какой огромный жизненный путь проделал Михаил Васильевич Фрунзе с первых дней гражданской войны и до своей кончины и какими блестящими делами отмечен этот путь.

Разгром Колчака сперва на Восточном фронте, а затем на юге. Ликвидация Семиреченского белогвардейского фронта и бухарского эмирата. Разгром врангелевской армии, выполненный по гениальному замыслу И. В. Сталина и явившийся триумфом полководческого искусства Фрунзе. Огромная творческая работа по реорганизации Красной Армии на посту наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета.. И это — только лишь главные этапы на пути этого замечательного большевика.

Но где бы ни находился Фрунзе, какими бы важными государственными делами ни был он загружен, — он никогда не терял из поля зрения своих иваново-вознесенских земляков, никогда не терял с ними связи.

И он хорошо знал и высоко ценил их. Он первый обратил внимание на выдающиеся способности Дмитрия Фурманова и дал ему возможность проявить эти способности в полном их блеске. Он сумел оценить по заслугам такого человека, как Батуриц — выходец из ивановских рабочих и последний комиссар Чапаевской дивизии, павший смертью храбрых вместе со своим доблестным начдивом.

Когда окончилась гражданская война, Михаил Васильевич, назначенный к тому времени командующим вооруженными силами Украины и Крыма, неожиданно приехал в Иваново. В губернском комитете партии была устроена теплая товарищеская встреча. По рассказам очевидцев Фрунзе чувствовал себя прекрасно среди старых друзей. Он смеялся, шутил, но между шутками не забывал спра-

шивать: „Как добыча торфа? А сколько по губернии пушено веретен?“

Затем он рассказал ивановцам о ленинском плане электрификации и о той горячей поддержке, которую оказал этому плану Сталин. — Теперь предстоит борьба, — говорил Фрунзе, — за то, чтобы такие же мощные промышленные центры, как Иваново-Вознесенск, — с такими же, как здесь, людьми, полными кипучей революционной энергии, — создались повсюду в стране. И это отнюдь не мечта.

— Вспомните, — сказал Фрунзе, — разве не казалось нам совсем недавно, на Талке, далекой мечтой идея своего государства? Но у нас была партия, какой не имел ни одна революция прошлого, — и мы победили.

6. БОЛЬШЕВИК, ВОИН, ПОЭТ

В сиянии славы, овевающей боевые знамена иваново-вознесенского пролетариата, рядом с величественной фигурой Фрунзе высятся мужественный образ другого знаменитого ивановского большевика — Дмитрия Андреевича Фурманова. Суровый революционер и благородный гуманист, вдохновенный поэт и бесстрашный воин, он, так же как и М. В. Фрунзе, оказался верным носителем боевых традиций ивановских ткачей.

Эти славные традиции Дмитрий Фурманов начал твердо усваивать с первых же дней Великой Октябрьской революции, которую он встретил в Иванове на посту председателя революционного штаба. В эти дни он, вчерашний студент, познакомился с Михаилом Васильевичем Фрунзе, оказавшим на него огромное влияние, и в эти же дни в гениальном учении Маркса — Энгельса — Ленина раскрылся перед ним истинный смысл жизни и определилась великая цель, осуществлению которой он посвятил отныне все свои силы.

„Теперь, — записывает он в своем дневнике, — приблиз^ю к мраморному берегу. На нем построю я свою твердыню-убеждение. До сих пор... были колебания, была неуверенность. Теперь все кончено. Теперь Дмитрий Фурманов — коммунист — большевик“.

Он оказался вполне достойным доверия партии, принявшей его в свои ряды. В то время Советская республика переживала дни величайшей опасности — все силы международной контрреволюции обрушились на нее со всех сторон. И вот в эти-то тяжелые, напряженные дни Дмитрий

Фурманов проявил все лучшие качества, всю высокую доблесть истинного большевика.

В девятнадцатом году он во главе второго добровольческого отряда отправился на Восточный фронт — сражаться с Колчаком. Он покидал Иваново, исполненный пламенной веры в победу над контрреволюцией и весь овеянный воспоминаниями о революционном прошлом родного города.

„Прощай, мой город! — сказал он на вокзале. — Не ударим мы лицом в грязь, не опозорим на фронте твое славное имя, твое героическое прошлое“.

И перед его мысленным взором вставали картины этого прошлого: мощные забастовки ивановских текстильщиков, их столкновения с жандармерией, митинги на Талке...

Сразу же по прибытии на фронт Фурманов был назначен на пост политического комиссара Чапаевской дивизии, которая должна была стать основным ядром ударной группы, сформированной к тому времени Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Перед молодым неопытным комиссаром вставала чрезвычайно трудная задача: дисциплинировать, подчинить единой большевистской воле, перевоспитать огромную воинскую часть, состоявшую в основном из крестьян, находившуюся еще во власти мелкобуржуазной стихии, и при всех своих высоких боевых качествах — страдавшую всеми недостатками, присущими партизанщине. К тому же о самом Чапаеве ходили слухи, что он вспыльчив и груб, неуживчив с новыми работниками и до крайности ревниво относится к своей славе.

Но Фурманов, как подлинный большевик, не утратил этих трудностей и, заняв свой новый пост, твердо и неуклонно пошел к своей цели. Он сумел нащупать верный путь к сердцу начдива и в короткое время сделался его другом и первым советником. Что касается бойцов, то здесь Фурманов с первых же шагов усвоил одну простую и мудрую истину: завоевать авторитет у бойцов может только тот комиссар, который не покидает их во время опасности, разделяет с ними все тяготы боевой жизни, а главное — служит для них живым, наглядным примером сознательного выполнения своего воинского долга.

Строго следуя этой истине, Фурманов быстро овладел доверием бойцов и, совместно с начдивом, в короткий срок превратил эту разношерстную полупартизанскую массу в превосходно дисциплинированную регулярную воинскую часть.

Вместе с Чапаевым, вместе с 220-м полком ивановских ткачей Фурманов проделал весь героический рейд от стан-

ция Александров-Гай до Уфы. И повсюду, где закипал бой, он появлялся в самых опасных местах, воодушевляя своим примером бойцов. В бою под Бугурусланом он лично повел в атаку один из батальонов Ивановского полка и стремительным ударом выбил врага из окопов. В бою под Уфой он лично руководил переправой через Белую на одном из опаснейших участков возле железнодорожного моста.

Это была трудная переправа. Всю ночь шли приготовления. На рассвете, с первыми ударами канонады, раздалась команда:

— Переправляться!

Переправа производилась на откуда-то взявшихся лодочках, на сколоченных наспех плотках. Многие бойцы сядились верхом на бревна и пускались вплавь. Впереди на крохотном плоту плыл Фурманов с винтовкой в руках. Кругом ложились вражеские снаряды.

Подплыв к берегу, Фурманов под бешеным неприятельским огнем первый соскочил на землю. Когда все следовавшие за ним бойцы сошли на берег, он крикнул: „Товарищи, вперед, за мной. Ура!“ Бойцы, охваченные единым порывом, устремились за комиссаром в атаку. Действуя штыком и гранатой, они быстро очистили первую линию вражеских окопов.

В любой обстановке этот замечательный человек проявлял большевистское мужество, самообладание и презрение к смерти. И партия всегда направляла его именно на такие участки, где от человека требовались все эти качества.

Осенью 1919 года Дмитрий Фурманов был направлен в Семиречье в г. Верный (ныне Алма-Ата) в качестве уполномоченного реввоенсовета Туркестанского фронта на ликвидацию контрреволюционного движения, поднятого местными буржуазными националистами. Обстановка в Семиречье создавалась чрезвычайно тяжелая. Движение готово было вылиться в контрреволюционный мятеж. Положение достигло крайней степени напряженности после того, как один из батальонов 27-го полка ушел в крепость, где уже сосредоточилась пяти тысячная толпа мятежников. И вот тут-то проявилось полностью изумительное бесстрашие и самообладание Дмитрия Фурманова. Безоружный, в сопровождении нескольких товарищей коммунистов, он явился к мятежникам в крепость, устроил митинг и с первых же слов овладел вниманием толпы. И так было огромно и неотразимо обаяние его мужества, что, когда после митинга Фурманов покинул крепость, никто из мятежников не сделал ни малейшей попытки задержать его.

Знание обстановки, умение быстро ориентироваться, твердая воля, глубокая убежденность в правоте партийного дела и спокойное бесстрашие — помогли Фурманову бескровно ликвидировать мятеж.

Широкой известностью пользуется знаменитая операция с красным десантом. Это было осенью 1920 года, когда на юге начали проявлять большую активность контрреволюционные банды, объединенные под командованием генерала Врангеля.

На совещании штаба 9-й армий, куда был прикомандирован Фурманов, ему было предложено ехать комиссаром красного десанта, который должен был по рекам Кубани и Протоке пробраться к станции Ново-Нижнестеблиевской, разгромить штаб врангелевского генерала Улагая и отрезать путь к отходу его десантного отряда.

Когда Фурманова спросили, готов ли он на это опасное дело, он, не колеблясь, ответил:

— Я готов на любое дело, если этого требует обстановка, если этого требует партия.

Опасность предстоящей операции заключалась, главным образом, в том, что для успешного выполнения ее необходимо было пробраться незамеченными в тыл противнику. Кроме того, успех операции зависел от внезапности действий и, в особенности, от полной конспиративности. Малейшее нарушение конспирации грозило красному десанту неминуемой гибелью.

Но Фурманов умел хранить военную тайну. До последней минуты ни командиры, ни бойцы не знали, куда они едут. О цели операции не сказал Фурманов даже своей верной боевой подруге — жене.

Глубокой ночью, соблюдая полную тишину, продвигался полуторатысячный десантный отряд в неприятельских водах. На рассвете в густом тумане подплыли к станции Ново-Нижнестеблиевской. Отряд быстро выгрузился, построился и под командованием Фурманова двинулся к станции. Кругом ни звука. Штаб Улагая спал, не зная, что красные части уже окружают его.

Захваченные врасплох, белые все же сумели организовать сопротивление. Пользуясь численным превосходством, они перешли в контрнаступление, стараясь прорвать наше кольцо. Бой шел на всех улицах станции. Фурманов не раз с винтовкой в руках бросался в атаку, увлекая своим примером бойцов. Он получил тяжелую контузию, но до конца оставался на своем посту.

После жестокого и упорного двухсуточного боя улагевский десант был, наконец, разгромлен. За эту опера-

цию Дмитрий Фурманов был награжден высокой боевой наградой — орденом Красного Знамени.

Но героический рейд фурмановского отряда на этом не закончился. После боя у станицы Ново-Нижнестеблиевской он столь же доблестно выполнил новое боевое задание и помог 26-й бригаде разгромить белых у г. Ачуева на Азовском море.

Целую ночь шел кровопролитный бой. Фурманов, не спавший трое суток, был и здесь среди бойцов, ободряя и поддерживая их мужество. Бойцы почти падали от изнурения, но, видя около себя комиссара, слыша его бодрый и веселый голос, оживлялись, вскакивали и снова шли в наступление.

Этот бой также кончился полным разгромом белых.

По окончании гражданской войны Дмитрий Фурманов сменил боевую винтовку на перо литератора. Отныне он посвящает себя почти целиком литературной деятельности. Но и на этом новом „мирном“ поприще он, духовный вскормленник революционного ивановского пролетариата, он, выросший, созревший и закалившийся в грозах и бурях гражданской войны, остается, прежде всего, пламенным большевиком и железным воином революции. Он принес с собой в советскую литературу живой и теплый трепет новой для читателя революционной боевой романтики.

Он один из первых в литературе осуществил в своих талантливых полотнах („Чапаев“, „Мятеж“) стиль социалистического реализма. Ибо в этих произведениях он сумел отобразить самое характерное для своей эпохи — пробуждение народных масс, поднявшихся на защиту завоеваний Великой Октябрьской революции, и запечатлеть навеки в незабываемых образах таких замечательных людей этой эпохи, как Чапаев и его сподвижники.

Дмитрий Фурманов, доблестный большевик, поэт и воин, на всех этапах своего блестящего пути оставался достойным носителем боевых традиций вскормившего его ивановского пролетариата.

СТРАНА ПОД УДАРОМ

1. ЧЕРЕЗ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Еще на два десятилетия повернулось неторопливое колесо истории. Великие перемены совершились в нашей стране. По плану, начертанному рукой мудрого зодчего, на одной шестой части мира усилиями советского народа построено могучее и величественное здание социализма. Но в творческих буднях, грохоте мирной стройки ивановский пролетариат ни на минуту не забывал своих священных боевых традиций. И скоро наступили дни, когда ивановцы обогатили эти традиции в новых славных, героических делах. В знаменитых боях у озера Хасан, в битвах у Халхин-Гола они снова показали себя достойными сынами своей великой Родины.

Вспыхнула война с белофиннами. Снова, как в годы гражданской войны, тысячи ивановских большевиков — партийных и непартийных, формируясь в отряды, шли сражаться на Карельский фронт. Снова, как и в те годы, ивановцы покрыли себя блеском славы в боях с врагами родины. Многие из них вернулись домой награжденные орденами и медалями. Многие получили самое высокое в стране звание — Героя Советского Союза. В их блестящей плеяде мы встречаем имена Ореста Боровкова, А. Ф. Мошина, И. Д. Ангошкина, П. Ф. Поросенкова, Н. С. Грекова, В. С. Знаменского, И. М. Плешкова, И. И. Трошина, К. И. Кораблева, А. И. Бякова и многих других замечательных патриотов, воспитанных партией Ленина — Сталина.

О подвигах ивановцев, участвовавших в разгроме белофинских бандитов, можно было бы написать целые тома увлекательных эпоней. Мы расскажем здесь о подвигах двух, быть может, самых скромных орденосцев нашего города.

Один из них отдыхал после войны в местном энском санатории. Первые дни мало кто из отдыхающих обращал внимание на этого тихого, скромного смуглого парня в зе-

ленной майке. Но однажды он явился к ужину в пиджаке, накинутом поверх майки. И все увидели блеснувший у него на отвороте пиджака орден боевого Красного Знамени.

Сразу узнали, что нового отдыхающего зовут Александром Петровичем Смирновым, что он — младший командир запаса и житель города Иванова. И вскоре всем стала известна простая и суровая история его подвига.

В 1940 году он сражался против белофиннов в рядах саперного батальона на подступах к линии Маннергейма. В середине февраля во время генерального штурма финских укреплений Смирнов со своими саперами взорвал два мощных железобетонных ДОТ'а. Один из них имел одиннадцать амбразур и бетонные стены полутораметровой толщины!

Под убийственным перекрестным огнем пулеметов, с мыслью о Родине, о Сталине, о погибших в бою товарищах, с накипевшей в сердце яростью к врагу лезли бойцы на укрепления, таща с собой в кручу тяжеленные ящики со взрывчатым веществом. Стиснув зубы, презирая смерть, реявшую над ними в злобном свете пуль, они доползали до артиллерийских и пулеметных амбразур, ставили ящики, подпаливали — и быстро отбегали назад... И затем снова и снова шли на штурм.

За доблесть и отвагу тов. Смирнов был награжден орденом Красного Знамени.

И вот еще один из молодых патриотов — студент Ивановского сельскохозяйственного института тов. Клепиков. Тоже очень простой и скромный юноша.

В декабре 1939 года, не закончив второго курса, он пошел добровольцем на фронт. Превосходный лыжник-спортсмен, он отправился туда в составе отдельного лыжного батальона, сформированного почти целиком из ивановской молодежи.

Батальону пришлось действовать в лесах, кишевших финскими снайперами. Клепиков, служивший связным, отличился в нескольких боях.

Однажды, когда батальон зашел в тыл противника и начал окружение, Клепиков получил опасное задание: найти оторвавшуюся от батальона третью роту и вывести ее к своей части.

Два дня Клепиков искал затерявшуюся роту. Два дня и две ночи скользил он по лесным зарослям, укрываясь в лощинах, измученный бессонницей, но неутомимо бдительный, готовый к действию, как собранная стальная пружина. Пять раз нарывался он на финских снайперов, стрелявших из засады, с деревьев, — и только исключительное

проворство и самообладание спасали его каждый раз от смертоносных пуль. Зато сам он сбил трех белофинских снайперов и отобрал у них автоматическое оружие.

Рота была найдена и благополучно выведена из опасного положения. За боевые заслуги товарищ Клепиков был награжден орденом Красной Звезды.

По окончании войны он вернулся в институт.

2. РОДИНА В ОПАСНОСТИ. К ОРУЖИЮ!

Не успели еще умолкнуть отзвуки артиллерийской канонады под Выборгом, как новая грозная и страшная опасность черной тучей надвинулась на нашу Родину.

Утром 22 июня 1941 года мотомеханизированные гитлеровские полчища бешеной лавиной вторглись на советскую территорию, разрушая наши пограничные города и села, беспощадно истребляя мирное население.

И вслед затем от края до края необозримой советской земли пронесся могучий клич любимого вождя и полководца — Сталина, призвавшего в час грозной опасности всю страну, весь народ мобилизовать все силы на оборону Родины и перестроить всю работу на военный лад. И народ, отозвавшись на этот зов всем своим многомиллионным сердцем, поднялся, как сказочный великан, на защиту родной земли.

Небывало мощное патриотическое движение, всколыхнувшее всю страну, захватило на высокой волне и Ивановскую область. И снова оживил, вдохновляя на новые подвиги, славные боевые традиции ивановских ткачей...

Бурной и напряженной жизнью стал жить с этих дней город Иваново и вся Ивановская область.

Целыми днями сотни патриотов — партийных и беспартийных большевиков, мужчин и женщины, юношей и девушек, стариков и подростков толпами осаждали двери военкоматов, райкомов партии и комсомольских организаций с настойчивыми просьбами о немедленной отправке их на фронт. Каждое слово в заявлениях этих патриотов, написанных иной раз корявым почерком на обрывке бумаги, — горело пламенем любви к отечеству и неутолимой ненавистью к фашистским захватчикам.

Уборщица Ивановского трамвайного парка двадцатилетняя А. Киречева писала: „У меня сейчас в рядах Красной Армии находятся два брата. И я хочу итти помогать им. На любую службу, куда угодно зачислите — только дайте возможность защищать родину“.

Доброволец Тимофей Игнатьев просил принять его в ряды Красной Армии, чтобы „бить гадов“. Бить врагов отечества он будет не в первый раз. „Я, — писал он, — бил самураев на озере Хасан и в районе Халхин-Гола. Ходил добровольцем против белофинских бандитов, а посему не могу, чтобы не пойти громить немецких фашистских гадов“.

Люди рвались на фронт и уходили туда целыми семьями. У одного из ивановских жителей — А. Ф. Кузьмина старший брат, военный инженер, погиб смертью храбрых в первые же дни отечественной войны. Узнав о смерти брата, сестра погибшего, врач по профессии, выехала с мужем на фронт. „После всего этого, — пишет в своем заявлении А. Ф. Кузьмин, — я, участник боев с белофиннами, не могу оставаться здесь в роли безучастного зрителя. Прошу отправить меня на фронт“.

В Шуйский военкомат, куда в течение первых двух дней мобилизации поступило более двухсот заявлений с просьбой о посылке на фронт, пришла работница т. Крайкина и, немного смущаясь, заявила:

— У меня двое сыновей. Сын Анатолий уже подал заявление с просьбой зачислить его в Действующую Армию. Моей мать взяли на работу в лазарет Второго сына я куда-нибудь пристрою. А сама я тоже хочу быть хотя чем-нибудь полезной родине. Прошу зачислить меня в армию.

Проситься добровольцами в Действующую Армию приходили убеленные сединами старики и подростки.

В Шуйский военкомат явился семидесятилетний Федор Филиппович Анферов. Он твердо и решительно заявил военкому:

— Хочу быть в Действующей Армии. Буду крепко бить супостатов.

— Ваши годы, папаша, уже вышли, — сказал военком с сочувствием.

Старик обиделся.

— Я участвовал в трех войнах, — внушительно проговорил он. — С винтовкой в руках обошел тысячи верст. Руки мои еще крепки, глаз зорек, я еще могу быть полезным отечеству.

Уходя, он оставил свое заявление, наказав военкому:

— Не забудьте, разберите. Я буду ждать.

В тот же военкомат пришло несколько подростков. Один из них, пятнадцатилетний Володя Шоронов, бойко заявил:

— Хочу на фронт. Думаю, что и для меня найдется место в первых рядах бойцов.

Разумеется, ему и его сверстникам отказали в их прось-

бе, объяснив, что время для них еще не пришло. Отказ по возможности смягчили, но все же ребята ушли от военкома глубоко огорченные.

Перед лицом смертельной опасности, нависшей над родной страной, отодвинулись на задний план, ступали все личные чувства советских людей. Член колхоза Ильино, Ковровского района, старая семидесятилетняя колхозница Горюнова, провожая на фронт старшего сына, говорила:

— Слушайся, сынок, своих командиров. А этому ироду Гитлеру — собаке паршивой, всыпьте как следует, чтоб не мучил больше людей. Если тяжело будет — пиши, Леньку пришлю...

Семнадцатилетний Ленька, тоже провожавший брата, сказал в свою очередь:

— Ты, Яша, не забудь — передай там мое заявление. Поговори с военкомом, скажи, мол, брат у меня — ворошиловский стрелок.

Житель г. Иванова, участник гражданской войны, тов. Курицын написал трем сыновьям, сражающимся против гитлеровцев:

„Сыны мои, будьте стойкими, бейте врага беспощадно, сражайтесь до последней капли крови!“

* * *

С первых же дней отечественной войны по всей области и прежде всего в самом Иванове стали формироваться крупные отряды для отправки в Действующую Армию.

Проводы отъезжающих на фронт выливались в мощную демонстрацию высокого советского патриотизма и глубочайшего морально-политического единства всего народа, поднявшегося на защиту родины. Старый традиционный боевой дух ивановского пролетариата воскресал на этих проводах во всей своей силе.

Всекие проводы тяжелы, а особенно — на фронт. И потому неудивительно, что у многих матерей и жен, приходивших на проводы, временами скатывались из глаз невольные слезы. Но сознание величия задач, стоящих перед уезжающими, быстро превозмогло сердечную скорбь, и лица женщин становились суровыми и спокойными. Также спокойны и решительны были лица отъезжающих: они знали, что едут защищать святое и правое дело! И когда на митинге, состоявшемся на призывном пункте Фрунзенского района, секретарь райкома партии т. Смирнова взволнованно и гневно сказала, выразив общее желание: „Прочтите фашистскую гадину“, — кто-то из стоящих пе-

ред трибуной с походной сумкой на плечах, спокойно, веско и уверенно ответил:

— Прощай!

Представители фабрики имени Дзержинского передали отъезжающим фабричное Красное знамя, как бы скрепляя этим глубокое моральное единство фронта и тыла.

— С честью пронесите это знамя, — сказал он, — через огонь великой священной отечественной войны.

А девушки с фабрики имени Балашова, выступая на митинге, заверяли бойцов:

— Поезжайте спокойно. Мы заменим вас. Фабрики будут работать на полную мощность.

Грандиозные митинги состоялись один за другим в театре и цирке. Они прошли с особенной торжественностью, с высоким патриотическим подъемом и в то же время были проникнуты необычайной душевной теплотой. Провожавшие осыпали бойцов подарками. Делегаты от фабрик вручили отъезжающим боевые знамена. Командованию Н-ской части было передано знамя обкома ВКП(б).

Как и в годы гражданской войны, этот небывало мощный патриотический подъем возглавили коммунисты. В этом примечательном факте тоже сказалась одна из славных традиций иваново-вознесенского пролетариата.

Уже в последних числах июня трудящиеся г. Иванова провожали на фронт первый отряд коммунистов и комсомольцев Ивановской области. В этих волнующих проводах как будто прозвучало могучее эхо тех напутственных речей, которыми двадцать два года назад иваново-вознесенские ткачи провожали отъезжающих на Восточный фронт коммунистов. Память тех грозных и славных дней сверкающим видением встала над залом облдрамтеатра, где состоялись проводы. Уезжающие на фронт коммунисты и комсомольцы давали клятвенное обещание, что в грядущих боях с фашистскими бандами они будут держать себя так, как двадцать два года тому назад держали себя в схватках с врагом доблестные бойцы 220-го Ивановского полка и железные воины революции — Фрунзе и Фурманов.

Среди отъезжающих были испытанные ветераны гражданской войны. Один из них, 53-летний А. Е. Клусов, у которого два сына уже отправились на фронт, сказал:

— Я третий раз еду на фронт. Сейчас я еду полный веры в победу над врагом. Мы разгромим врага. Мы не пожалеем для этого ни сил своих, ни жизни. Но и вы, остающиеся в тылу, работайте с утроенной энергией, сплотившись вокруг правительства и партии, вокруг товарища Сталина.

И повсюду во всех городах и селах области, на всех проводах, на всех прощальных митингах можно было слышать одно и то же взаимное торжественное клятвенное обещание:

— Жизни своей не пожалеем, чтобы уничтожить фашистских гадов!

— Не пожалеем сил, чтобы создать надежный мощный тыл!

3. ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА

Безопасность родины требовала, чтобы весь тыл, вся страна превратились в один могучий неприступный ДОТ, чтобы каждый дом стал крепостью и чтобы каждый гражданин готов был в любом месте и в любую минуту встретить гранатой, пулей или штыком непрошенных фашистских гостей.

В Ивановской области, как и во всей стране, быстро сформировалось мощное народное ополчение. В колоннах марширующих по городу можно было видеть людей всех возрастов и профессий. В ополченческие отряды приходили записываться и убежденные седины старики и безусые подростки. Уже в течение первого месяца войны во всех коллективах была закончена сдача экзаменов по упрощенной программе ПВХО, а начиная с октября, все взрослое население области стало проходить краткий курс всеобщего военного обучения. Народ становился под ружье...

Безопасность родины требовала, чтобы вся жизнь страны была подчинена интересам фронта и вся работа советских граждан была перестроена на военный лад. Это простое и мудрое требование было с предельной четкостью и силой выражено в историческом обращении товарища Сталина к советскому народу.

С первых же дней войны началась эта изумительная перестройка всей нашей жизни.

По всем предприятиям, совхозам и колхозам нашей области развернулось движение женщин, пожелавших встать на место ушедших сражаться мужчин.

На Меланжевом комбинате многих ушедших на фронт помощников мастеров заменяют сейчас женщины-ткачихи, еще во время финской кампании научившиеся выполнять обязанности заправщиков и помощников мастеров. Стахановка т. Горева заняла место помощника мастера банкаброшного отдела. Планщица-стахановка т. Бутенева заменила ушедшего в армию помощника мастера Чумакова. Жен-

щины-тазовщицы стали работать в качестве чесалей и смазчиц.

На фабрике „Шуйский пролетарий“ несколько женщин успешно работают на индивидуальных моторах. На Ивановском „Торфмаше“ уборщица т. Фахрдинова в первый же день мобилизации встала за фрезерный станок и быстро освоилась с новой специальностью.

На многие предприятия стали приходить домашние хозяйки, в свое время работавшие на производстве. В одном из июньских номеров „Рабочего края“ было опубликовано письмо домашних хозяек, начавших работать на Ивановском заводе им. Королева:

„Нельзя допускать, — пишут они, — перебоев в нормальном ритме работы предприятий из-за временного недостатка рабочей силы. Мы обращаемся ко всем домашним хозяйкам с призывом последовать нашему примеру и пойти работать на фабрики и заводы. Женщины-токари, слесари, ткачи, ватерщицы! Социалистической промышленности нужны ваши руки, знания и опыт. Идите на фабрики и заводы. Займите рабочее место ваших уезжающих на фронт мужей, сыновей, братьев!“

С первых же дней войны развернулось и сразу достигло высокого подъема движение за совмещение профессий, за многостаночное обслуживание, за новые успехи в перевыполнении производственных норм.

Многие рабочие показывали пример подлинного трудового энтузиазма.

Стахановец-болторезчик завода им. Королева (Иваново) т. Груздев, закончив 24 июня свою смену, узнал, что сменщик на работу не придет — его призвали в Действующую Армию. Для того чтобы не сорвать график — основной закон производства, — т. Груздев решил остаться на работе пока не будет выполнено задание. Для этого ему пришлось проработать без перерыва 27 часов. Задание было выполнено.

Изо дня в день растут ряды двухсотников. Работать за двоих — за себя и за товарища, ушедшего на фронт, — стало девизом не только стахановцев, но и всех сознательных рабочих. Точильщик чесальных машин Красноволокской мануфактуры (в г. Кинешме) т. Пудиков стал давать по 328—330% нормы. На кольчугинском заводе им. Орджоникидзе слесарь-комсомолец т. Ногтев, токаря тт. Куренков, Поцелуев, Ерохин, Козлова и многие другие стали ежедневно выполнять по две с половиной нормы.

Высокий патриотизм проявили двухсотники энского машиностроительного завода. Как только началась война,

слесарь Н. И Немов стал из месяца в месяц давать 230—235 % нормы. Однажды ему пришлось изготовлять штампы по своим собственным чертежам. Дело было срочное и ответственное. Слесарь Немов выполнил его в срок, не выходя в течение двух дней из цеха. Количество двухсотников на этом заводе с первых дней войны стало заметно расти. Профорг цеха № 8 т. Швкин и сборщик С. Д. Соболев стали ежедневно выполнять свыше двух норм. Слесарь коммунист М. Куликов и комсомолец токарь Тимофеев 25 часов не отходили от своих станков, чтобы выполнить одно очень срочное задание!

В дни грозной опасности советский народ мобилизовал для обороны все свои духовные и физические силы. Мобилизовал всю технику, искусство, литературу, науку, изобретательскую мысль; и даже — свою кровь.

С первого же дня войны донорство стало своего рода массовым подвигом. На все донорские пункты и на станции переливания крови сразу хлынули тысячи граждан, предлагающих свою кровь для спасения жизни бойцов. В Энергетическом институте в первые же дни пятьдесят студентов изъявили желание встать в ряды доноров. Ивановская домохозяйка т. Пименова явилась на областную станцию переливания крови с просьбой взять у нее бесплатно три четверти литра крови. Ковровская домашняя хозяйка т. Шипова, уже девять раз отдававшая свою кровь для больных, снова предложила взять у нее без всякой платы необходимое количество крови. Через какой-нибудь месяц не было во всей Ивановской области такого коллектива, где бы не существовало своего постоянного кадра доноров.

Каждый патриот полон самоотверженной готовности отдать последнее свое достояние в помощь фронту.

С каким воодушевлением, с какой трогательной деловитой озабоченностью несли и продолжают нести граждане Ивановской области — достойные наследники революционных ивановских ткачей — свои трудовые сбережения в фонд обороны страны! Они несут не только сбережения. Они несут облигации займов, золотые браслеты и кольца, серебряные подстаканники и прочие ценные вещи, — несут для того, чтобы все это было брошено на весы войны и приблизило час окончательного разгрома фашистских банд. Они отдают в помощь фронту свой однодневный заработок. Колхозники сдают не только деньги. Они приносят яйца, 2
масло, свинину, приводят скот. Они досрочно сдают сельхозналог. Фонд обороны быстро пополняется; к середине мая 1942 года в нем было уже свыше пятидесяти миллионов рублей.

С немальшим воодушевлением развернулась по области кампания по сбору теплых вещей для фронтовиков. С первых же дней эта кампания приняла характер всенародного патриотического движения. Повсюду на городских и сельских приемных пунктах в короткий срок вырастали горы валенок, полушубков, овчин, свитеров, телогреек, принесенных сюда патриотами.

Вот несколько сухих, но очень выразительных информации, опубликованных в свое время в „Рабочем крае“.

„...В Родниковском районе на 20 сентября собрано 387 килограммов шерсти, 246 овчин, 30 пар валенок...“

„...От трудящихся Тейковского района и города Тейкова поступило 600 килограммов шерсти, более 300 овчин, 30 фуфаяк и много других вещей“.

„...В шуйскую районную комиссию поступило к 20 сентября 450 килограммов шерсти, 200 овчин. На склад городской комиссии передано 50 пар валенок, 13 овчин и т. д.“

И это только в первые дни сбора!

Прекрасный пример патриотизма показал колхоз им. Первого Мая, Жирятинского сельсовета, Вичужского района. Здесь, помимо 54 голов овец, двух тысяч литров молока и двух тонн других сельскохозяйственных продуктов, колхозниками собрано для бойцов Красной Армии 47 овчин, 40 килограммов шерсти, большое количество валенок, фуфаяк, теплых рубашек.

Среди патриотов, приносивших на приемные пункты теплые вещи, было немало людей, у которых сыновья, братья, мужья сражаются на фронте. И это только повышало в них чувство патриотического долга. На Красновожском комбинате мать двух командиров Е. А. Догадкина принесла на приемный пункт свитер, носки и 100 рублей деньгами. На этом же комбинате внес свой дар старый рабочий т. Мелузов — отец трех танкистов, из которых двое уже награждены медалями. Тов. Мелузов сдал овчину, пару теплого белья, шлем и шапку-ушанку.

Люди несли свои скромные подарки, и никто не стыдился скромности своих приношений. Потому что все трудящиеся нашей страны знают, что каждый килограмм шерсти, каждая пара валенок, посылаемая ими на фронт, приближает час поражения кровавого гитлеризма.

4. ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ

Уезжая на фронт, Н-ская часть командира Пронина, состоящая в основном из ивановцев, дала торжественную

клятву: свято хранить в предстоящих боях славные боевые традиции ивановских ткачей.

Эту свою клятву бойцы и командиры Н-ской части выполняют с честью.

Вот что писал командир этой части в письме, присланном в августе на имя обкома ВКП(б) и исполкома облсовета:

„Мы рады сообщить всем трудящимся Ивановской области, что данное обещание выполняем с честью. Полученное от вас знамя гордо развеивается на полях сражений с фашизмом. Мы бережно охраняем в боях его честь. С большой радостью сообщаем, что ивановцы сражаются, как львы.

Там, где появляются подразделения нашей части, немцы не осмеливаются принимать удары в лоб.

Под ст. Р. немцы, впервые встретившиеся с воинами нашей части, не досчитались многих сотен своих солдат и офицеров. Наши части переходили неоднократно в яростные контратаки, нанося врагу огромные потери. После двухдневных упорных боев под ст. Р. противник два дня эшелонами вывозил раненых. А таких боев наши бойцы дали уже не один. Сейчас враг, вновь встретив упорное сопротивление, уже не предпринимает больше на нашем рубеже наступления, а переходит к обороне.

В боях за родину капитан Зенкевич, старший лейтенант Химов, красноармеец-связист Зяхор, разведчик младший лейтенант Фрейлих, лейтенант Гулин, красноармеец Погребной, младший лейтенант Верпетов и многие другие показали образцы мужества, отваги и бесстрашия. Свыше 200 бойцов и командиров нашей части представлены к правительственной награде. Число героев множится с каждым днем, после каждого боя“.

Письмо заканчивалось призывом крепить единство тыла и фронта, совместными усилиями ковать победу над врагом.

„Мы уже слышали, — писал тов. Пронин, — о ваших подвигах на трудовом фронте. Мы гордимся этими подвигами, и это вливает в нас новые силы. Мы на себе ощущаем, что Красная Армия и народ едины. Подтверждением этому служит тот факт, что мы ежедневно получаем десятки писем и посылок от трудящихся Советского Союза.

Трудящиеся Ивановской области! Еще выше поднимайте производительность труда, еще настойчивее и упорнее крепите оборонную мощь нашего государства, овладевайте военными знаниями. Давайте — вы в тылу, а мы на фронте — вместе ковать победу над врагом“.

Месяц спустя от командования Н-ской части было получено вторичное письмо, дышавшее той же бодростью, силой и неколебимой уверенностью в победе над врагом.

„Ваше письмо, — пишет тов. Пронин, — как и другие письма из нашей области, было зачитано во всех подразделениях. Слова ободрения и приветия из родных мест еще выше подняли наш дух, воодушевили бойцов и командиров на новые подвиги в борьбе против ненавистного фашизма.

Наша часть, храня славные традиции ивановских ткачей, продолжает успешно выполнять боевые задачи командования.

Бойцы, командиры и политработники, закаленные в непрерывных упорных двухмесячных боях против гитлеровских банд, наносят врагу огромные потери.

В годы гражданской войны руководитель ивановских большевиков М. В. Фрунзе и соратник легендарного героя Чапаева — комиссар Дмитрий Фурманов давали высокую оценку боевым подвигам иваново-вознесенцев. Эти традиции свято хранятся ивановцами и сейчас, в грозные дни великой отечественной войны.

С каждым днем растет число героев отечественной войны. На днях на обороняемом нами участке фронта фашисты пытались контратаковать нашу часть. Мощным артиллерийским, минометным и ружейно-пулеметным огнем несколько рот гитлеровцев было уничтожено. В этих жестоких боях пали смертью храбрых отважные воины, товарищи Дубовец, Верхотин и другие.

Смерть этих героев дорого обошлась фашистским негодьям.

Мы уверены, что для поддержания боевых традиций ивановских ткачей вы будете и в дальнейшем пополнять ряды Красной Армии лучшими, преданными большевистской партии и социалистической родине людьми нашей области, которые бы не пожалели своей жизни в жестоких боях с врагом.

От имени бойцов, командиров и политработников Ивановской части еще раз заверяем вас и всех трудящихся города, что будем и впредь беспощадно громить фашистскую гадину до полного ее уничтожения“.

Тысячи писем получают трудящиеся нашей области с разных участков фронта. Во многих из них простым непритязательным языком описываются подвиги, совершаемые ивановцами в боях с немецкими фашистами.

Помощник мастера Ивановского комбината имени Молотова тов. Лукьянов с первых дней войны сражается

на фронте в качестве красноармейца-зенитчика. В одном из писем к землякам он описывает бой, который пришлось выдержать его части с немецкими фашистами.

Тридцать пикирующих бомбардировщиков появились внезапно над городом, в районе которого расположилась часть т. Лукьянова, и стали сбрасывать бомбы. „Наши зенитчики, — пишет т. Лукьянов, — не растерялись и открыли ураганный огонь по вражеским самолетам. Фашисты не выдержали нашего огня, заметались, как воронье, и разлетелись поодиночке в разные стороны. До часа дня мы отбили одиннадцать воздушных атак. Вскоре после этого показали неприятельские танки. Они шли прямо на нас, рассчитывая, видимо, подавить наши огневые точки. Наши орудийные расчеты открыли по врагу меткий губительный огонь.“

За короткий промежуток времени было выведено из строя и уничтожено около тридцати фашистских танков. Один только наш орудийный расчет уничтожил двенадцать танков. Из одного подбитого танка выскочили три танкиста и поползли к нашей батарее. Метким огнем зенитчики уничтожили их.

Когда у нас вышли все снаряды, командир батальона отдал команду об отходе. Под ливнем свинца мы отошли на новые огневые рубежи, захватив с собою все боевое снаряжение“.

В этом бою т. Лукьянов был ранен в левую руку. Но это не поколебало его боевого духа.

„Рана несерьезная, — пишет он из госпиталя. — Как только рука подживет, снова выеду на фронт, в свою часть. Обидно, что столько времени приходится лежать в постели, оставаться в томительном бездействии, в то время как там, на фронте, товарищи сражаются с фашистскими псами“.

Той же непоколебимой бодростью духа, той же спокойной и светлой верой в победу над врагом, тем же высоким патриотизмом дышат фронтовые письма других ивановцев.

Младший лейтенант И. И. Смирнов, бывший секретарь партбюро ивановской фабрики „Красная Талка“, рассказывает об одном небольшом, но ярком эпизоде, который ему пришлось пережить в первые же дни боев с фашистами. Подразделение т. Смирнова было послано в глубокую и опасную разведку, после которой он сразу же написал письмо. Стиль письма — сжатый, деловой и выразительный.

„Только сейчас вернулся из разведки, — пишет лейте-

янт, — где находились пять дней. Трое суток не спали совсем. Физически устали отчаянно, но моральное состояние — превосходное. Были в расположении немецких войск, напали на фашистский штаб. Боевое задание выполнили. Партизанскими тропами, лесной чащей, густыми ржами уходили на соединение со своими войсками. Временами приходилось идти с боем. Однажды попали под сильный ружейно-пулеметный огонь. Но мы все остались живы, ранило только одного товарища. Зато у немцев десять убитых, шестеро раненых. Скоро для фашистов наступит час расплаты. Недалек тот день, когда мы опрокинем и уничтожим немцев“.

Или вот письмо политрука т. Мелехина, в котором описывается подвиг ивановца т. Лузева.

Подразделение сержанта Лузева вступило однажды в бой с белофиннами. Противник вел ураганный огонь из автоматов и пулеметов. Несколько неприятельских „кукушек“, тщательно замаскировавшись, не давали ни минуты покоя нашим бойцам. Под прикрытием пулеметного огня финны пошли, наконец, в наступление. Все поголовно пьяные, поднявшись во весь рост, раздвигая кусты, они, как остервенелые, лезли на наших бойцов. Однако встреченные ответным губительным огнем, они быстро обратились в бегство, оставив несколько десятков трупов. В то же время бойцам удалось подбить неприятельских „кукушек“.

Теперь оставалось только заставить замолчать станковый пулемет противника. За разрешение этой задачи взялся сам Лузев... Сливаясь с землей, он быстро и бесшумно пополз к вражескому пулемету, находившемуся от него в 40—50 метрах. На середине пути его заметили. Пули, взрывая землю, стали падать рядом с ползущим сержантом. Тогда Лузев решился на хитрость. Он растянулся неподвижно на месте и замер.

Вообразив, что его противник убит, финский пулеметчик перевел огонь на другую цель. Тогда Лузев внезапно приподнялся и бросил одну за другой две гранаты. Белофинский пулеметный расчет разбросало в стороны. В два прыжка отважный сержант очутился около пулемета, повернул его в сторону противника и открыл огонь. Не ожидая такого сюрприза, белофинны бежали, оставив на поле боя 175 трупов.

Ивановцев можно встретить в войсках всех родов оружия. Мы знаем ивановцев-пулеметчиков, артиллеристов, зенитчиков. Мы знаем ивановцев лихих кавалеристов. Есть среди ивановцев и отважные летчики.

Однажды в редакцию областной газеты пришел пожилой, но еще свежий и бодрый на вид мужчина. Он назвался Шиловым. Из разговора выяснилось, что у т. Шилова с первых дней войны сражается с фашистами сын Владимир — младший лейтенант, летчик-истребитель. Недавно он получил от него письмо... Может быть редакция сочтет возможным поместить его в газете? В глазах у старика, когда он слегка дрожащими пальцами развертывал письмо, блеснули слезы. Видно было, что он волновался — и от любви к сыну и от нежной гордости за него. В письме было написано:

„Двадцать второго числа мы, дорогой отец, получили приказ вылететь на фронт. И в тот же день, по прибытии в город М., я уже получил первое боевое крещение. В четыре часа дня я встретился с двумя фашистскими бомбардировщиками и сразу вступил с ними в бой. Они почти тотчас же пустились наутек, затем перешли на малую высоту, и в конце-концов им удалось уйти. Это была досадная неудача.

На следующий день я снова встретился с группой немецких бомбардировщиков и на этот раз твердо решил не сплеховать.

С четвертой очереди моих пулеметов один из вражеских самолетов загорелся и стал падать на землю. Сразу же я перевел огонь на другой самолет, но тут, к моему огорчению, у меня окончился бензин, и мне пришлось поспешить на свой аэродром. Здесь меня горячо поздравляли — ведь я первый из всего полка сбил немецкий самолет!

После этого боя я был принят в кандидаты партии.

Через несколько дней произошел новый бой с фашистами. В этом бою я атаковал один из бомбардировщиков, и он моментально загорелся и пошел на снижение. Когда я приблизился к нему, немецкий стрелок-радист пустил по мне пулеметную очередь и ранил меня в руку. Немедля более ни минуты, я бросился на вражеский самолет и моментально покончил со всем его экипажем.

Рана у меня оказалась пустяковая, но меня все же положили в госпиталь. Я вскоре сбежал оттуда — хотелось скорее вернуться в свой полк, к своим боевым товарищам. Остальное расскажу при встрече. С приветом. Целую. Сын Владимир“.

Письмо это опубликовали. Впоследствии из центральных газет стало известно, что летчик-истребитель, младший лейтенант Владимир Алексеевич Шилов награжден орденом Красной Звезды.

Почти все письма, получаемые с фронта, отличаются одной замечательной чертой. Они полны заботой о состоянии тыла. Конечно, люди — есть люди, и личные домашние дела занимают в этих письмах свое должное место. Но явственней всего звучит в них забота о том, как оставшиеся в тылу помогают Красной Армии громить врага. Письма полны призывами крепить трудовую дисциплину, работать лучше, выпускать больше товаров, в срок выполнять сельскохозяйственные работы.

Вот письмо бойца Алексея Ивановича Соколова. Он призывает своих земляков из Юрьевоцкого района в срок и без потерь собрать богатый урожай и быстрее рассчитаться с государством по всем обязательствам. „А мы, — пишет т. Соколов, — так же быстро рассчитаемся со злейшим врагом человечества — Гитлером“.

Те же мысли звучат в письмах т. Логинова, бывшего слесаря комбината искусственной подошвы, и т. Кучина — бывшего шлихтовальщика фабрики им. Федора Зиновьева. „Мы обращаемся к нашим товарищам, — пишут эти бойцы. — Пусть они выпускают больше товаров, столь необходимых сейчас для укрепления тыла и фронта, для достижения победы над врагом“.

Благополучие страны, вопросы обороны, безопасность родины — на первом плане! Это — то могучее чувство государственности, чувство широкой коллективности, которое присуще только советским патриотам, воспитанным большевистской партией и ее великими вождями — Лениным и Сталиным.

Глубокое единство фронта и тыла, воскрешающее лучшие традиции ивановских ткачей, проявляется непрерывно, на каждом шагу — и в повседневной созидательной работе тыла, и в фронтовых буднях.

В одном из номеров „Ленинградской правды“ было опубликовано обращение ивановских партийных и советских организаций к населению Ленинграда и к бойцам и командирам воинских частей, мужественно обороняющих его против фашистских банд. Ивановские организации торжественно заверяли ленинградцев в том, что трудящиеся Ивановской области готовы в любой день и час оказать им действительную помощь в их беспримерно-мужественной борьбе за прекрасный город Ленина.

В ответ на обращение было получено много горячих откликов и от трудящихся Ленинграда, и от его доблестных защитников. Среди этих откликов особый интерес представляют письма ивановцев, сражающихся на подступах к Ленинграду.

Приводим полностью одно из них.

„Девятого сентября в „Ленинградской правде“ было опубликовано письмо трудящихся гор. Иванова, в котором ивановцы дают торжественное обещание оказывать ленинградцам всемерную помощь.

Среди трудящихся Ленинграда и в частях Красной Армии, сражающихся на его подступах, письмо было встречено с большой теплотой. Но с особенным вниманием было прочитано оно в подразделениях, где имеется много ивановцев. Здесь, в перерывах между воздушными тревогами, это письмо зачитывалось вслух и обсуждалось с большим оживлением и глубоким интересом. В частности, такая читка происходила в комендантском взводе Н-ского полка, состоящем исключительно из ивановцев, во второй роте энского подразделения и во многих других воинских частях. И везде письмо дорогих земляков воодушевляет ивановцев, участвующих в обороне Ленинграда, на дальнейшую беззаветную борьбу против кровавых фашистских извергов, укрепляет в нас решимость, не щадя жизни, защищать город Ленина“.

5. НЕ ДАВАЯ ВРАГУ ПЕРЕДЫШКИ

Повсюду, где только идут бои, — в холодной Карелии, на подступах к Ленинграду, на Западном направлении, на далекой солнечной Украине — на всех фронтах отечественной войны, с неизменной отвагой и мужеством сражаются наши ивановцы. Но особого упоминания заслуживают подвиги Н-ской части, носящей славное героическое имя М. В. Фрунзе. О ее прекрасных бессмертных боевых делах можно было бы написать большую увлекательную книгу.

Еще в тревожные октябрьские дни, когда над Москвой нависла смертельная угроза фашистского вторжения, Н-ская часть с успехом сдерживала натиск врага на одном из важнейших подступов к столице. В этих боях за родную любимую Москву вновь воскресали боевые традиции ивановских ткачей, уже дважды — в 1905 и в 1917 гг. — под руководством Фрунзе сражавшихся здесь против врагов революции, против самодержавия и капитализма.

В памятный день 6 ноября 1941 года, в момент наивысшей опасности, на всю страну прозвучал спокойный, могучий, уверенный голос вождя, призывавший истребить всех до единого захватчиков, пробравшихся на советскую

территорию. И всем стало ясно: здесь, под красной столицей, готовится разгром врага, здесь будет нанесен первый сокрушающий удар по его моторизованным полчищам.

И в самом деле, месяц спустя по всему подмосковному фронту немцам был нанесен ряд сокрушительных ударов, после которых гитлеровские банды в панике покатались на запад, преследуемые нашими войсками.

Деятельное участие в этом разгроме приняла Н-ская часть. Включенная в состав особой ударной армии, она все время шла в авангарде наступления, беспощадно уничтожая удиравших захватчиков.

Тщетны были все усилия немецкого командования сдержать железный натиск армии. Пытаясь парализовать этот натиск, Гитлер бросал навстречу нашим войскам так называемые „весенне-летние“ резервы. Но напрасно. Все эти резервы нашли себе лишь бесславленную могилу среди необозримых снежных полей России.

Преследуя немцев, наша часть в поразительно короткий срок проделала героический 700-километровый марш, выйдя в глубокий тыл противнику. При этом 300 километров она прошла с упорными боями, по страшному бездорожью, в ночное время. За время этого беспримерного марша герои-ивановцы освободили от фашистского плена два города и много мелких населенных пунктов, захватили десятки орудий, сотни пулеметов, свыше десяти радиостанций, целые железнодорожные составы и прочие богатые трофеи. Ивановцы обрушивали на преследуемого врага удар за ударом, не давая ему передышки. Они разбили таким образом немецкую дивизию „Мертвая голова“, 330-ю пехотную дивизию и 189 полк и основательно потрепали 205-ю и 83-ю пехотные дивизии.

В этих славных боях родились сотни подлинных героев. Около двухсот бойцов и командиров Н-ской части представлено к высокой правительственной награде. Десятки имен из этой плеяды доблестных советских патриотов уже стали широко известны трудящимся нашей страны.

Славный город ткачей может законно гордиться своими отважными сыновьями.

Все читали про замечательных зенитчиков из подразделения капитана Кальниченко, сбивавших по шесть немецких бомбардировщиков в день. Здесь отличились своей блестящей работой лейтенант Ерохин, сержанты Ерошкин, Раков, Судаков, Друдин, награжденные орденом Красной Звезды, наводчики Шишулев, Раков и т. д.

Все читали про сержанта А. С. Коржавина — из дер. Боровково, Ивановского района. Он один из винтовки расстрелял 14 фашистов, пытавшихся окружить занятый нашим подразделением колхозный двор. Заметив отходящую группу немцев из 80 человек, он допустил ее до открытого места и открыл ураганный пулеметный огонь, уничтожив при этом двадцать фашистов.

Все читали про младшего командира Н. С. Рожкова. В бою за деревню П. т. Рожков со своим пулеметом оказался отрезанным от пехоты. Тов. Рожков не растерялся: допустил противника на 100 метров и затем расстрелял наседавшую группу фашистов, уничтожив около 50 гитлеровцев.

И, наконец, многие слышали и читали о подвиге бывшего ивановского ткацкого мастера, ныне командира танка т. Беляева. По собственному образному выражению т. Беляева, ему удалось устроить фрицам „хороший концерт“. Поднимаясь в своей машине на крутой пригорок для выполнения боевого задания, т. Беляев увидел восемь надвигавшихся на него с трех сторон вражеских танков. За танками во весь рост шли немецкие автоматчики. Медлить было нельзя.

— Орудие к бою! Бронебойным заряжай...

Выстрел потряс башню, и стало видно, как один из бронированных гадов задымился и осел. Через минуту та же участь постигла другую вражескую машину.

Но, видимо, и гитлеровцы не дремали, стремясь скорей покончить с одиноким советским танком. Их снаряды с грохотом ударялись о бронированные стенки башни. Ответными выстрелами Беляеву удалось подбить еще одну фашистскую машину. Но в этот момент оглушительный удар потряс до основания беляевскую машину. Танк дрогнул, осел, мотор заглох. В боевое отделение лезли языки пламени — снаряд попал в бензиновый бак — горела проводка. Экипаж ждал взрыва. Тогда Беляев отдал распоряжение — тушить огонь, и сам первый принялся гасить его голыми руками.

Затушив огонь, экипаж с обожженными руками занял свои места. Орудие Беляева вновь всей силой своего огня обрушилось на заметавшиеся от неожиданности немецкие танки. Еще два выстрела — и четвертый фашистский бронированный гад покачнулся, накренился и замер на месте.

Четыре оставшихся фашистских танка, не выдержав боя, пошли наутек.

6. БЕССМЕРТНЫЕ ИМЕНА

В почетном списке ивановцев, показавших в боях против германского фашизма пример героизма, отваги и мужества, будут многие столетия сиять среди прочих славных имен — имена В. А. Мишулина, А. В. Рыжикова и Н. А. Морозова.

Двоим из этих знаменитых наших земляков — генерал-лейтенанту танковых войск В. А. Мишулину и лейтенанту А. В. Рыжикову — присвоено звание Героев Советского Союза.

Василий Александрович Мишулин — человек железной воли, широкого кругозора и большого мужества, человек со всеми данными крупного полководца. Еще в первые дни отечественной войны, когда он находился в звании полковника, он сделал одно чрезвычайно важное открытие. Он понял, что, поскольку вся суть гитлеровской тактики молниеносной войны заключается во внезапности, в „атаке на нервы“, — единственным средством, которое можно было бы с успехом противопоставить этой тактике, является средство, парализующее внезапность нападения. И это средство полковник Мишулин нашел. Это средство заключалось в танковой засаде. Для организации такой засады требовалась глубокая и всесторонняя разведка. Уже одно это исключало всякую возможность внезапного нападения.

И когда завязался бой, где был впервые применен полковником Мишулиным его метод танковой засады, дело приняло оборот совершенно неожиданный, но на этот раз для самих нападающих.

Бойцы и командиры Мишулина с тщательно замаскированными машинами спокойно стояли в лесу и ждали врага, который (как донесла разведка) должен был показаться на дороге. Они точно знали, что враг придет.

Немцы же считали свое появление внезапным. Каково же было их изумление, когда лавина разящего огня внезапно обрушилась отовсюду на их танки.

Сначала танкисты полковника Мишулина открыли огонь по передним танкам и хвосту немецкой колонны. В середине колонны началась паника. Выхода не было — отовсюду надвигалась грозная завеса из желтоватого пламени и черного дыма. Воздух сотрясался от непрерывных взрывов. Фашистская колонна сгорела в этом бою целиком.

Таково было действие этой первой танковой засады Мишулина.

В дальнейшем он продолжал применять это радикаль-

но действующее средство и всегда с блестящими результатами, ибо всякий раз засаде предшествовала обстоятельная разведка.

В одном из последних боев он был ранен, но отказался покинуть свой пост и продолжал руководить сражением. Почти силой пришлось увести его с поля боя и уложить на госпитальную койку. Но долго вылежать в спокойной госпитальной обстановке он был не в силах. Его тянуло на поле сражения. Он мучительно ясно представлял себе все подробности боя и категорически потребовал, чтобы ему аккуратно представляли все оперативные сведения.

Когда пришло сообщение о том, что немцы предприняли опасный для мишулинской части обход, Василий Александрович решительно поднялся с постели, оделся и вышел на улицу. В голове его уже созрело стратегическое решение. С попутной машиной он помчался к линии огня, к своим родным бойцам и командирам. Он явился туда с четко разработанным планом действий и смело и уверенно повел на врага свое соединение.

Это был тяжелый и упорный бой. Остервенелый враг, стремясь сломить энергичный натиск советских танкистов, пускал в ход все средства. Но высокий боевой дух танкистов, могучая воля командира и прекрасные качества советских боевых машин победили. Сражение было выиграно. Полковник В. А. Мишулин еще раз привел своих бойцов к блестящей победе.

Василий Александрович, житель села Липок, Судогодского района, имеет богатое боевое прошлое. Ему пришлось бить много всяких противников. Свой боевой путь он начал с первых дней гражданской войны, — и с тех пор судьба его оставалась неразрывно связанной с Красной Армией. К началу отечественной войны В. А. Мишулин уже имел звание полковника, и грудь его была украшена орденами Красной Звезды и Красного Знамени. Ныне за образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом отвагу и геройство ему присвоено высокое звание — Героя Советского Союза и новое воинское звание — генерал-лейтенанта танковых войск.

Гордые своим героическим земляком, колхозники сельхозартели им. XII Октября, почтив его имя, решили просить вышестоящие организации о переименовании села Липок в село Мишулино.

Не будет забыто в веках и имя юного летчика-истребителя Николая Александровича Морозова.

Семья Морозовых — семья отважных сталинских орлят.

Старший брат Юрий — летчик морской авиации, Николай — летчик-истребитель, младший брат Борис тоже пошел в авиацию.

Еще задолго до войны двадцатилетний Николай Морозов зарекомендовал себя как лучший летчик Н-ской эскадрильи, где он служил. На всеармейских маневрах высшее командование объявило ему за отличную работу благодарность. Он отличался прекрасным знанием своего дела, холодной выдержкой и бесстрашием. И когда пробил час отечественной войны, Николай Морозов оказался в первых рядах защитников Родины. В схватках с вражескими самолетами он обрушивался на них на своем „ястребке“, используя все свое высокое летное мастерство. И редко случалось, чтобы враг уходил от него целым и невредимым.

Мать Николая — Александра Алексеевна Морозова — по праву гордилась своими сыновьями. И сознание, что они, сражаясь на фронте, выполняют высокий и почетный свой долг перед родиной, — помогало ей мужественно переносить скорбные дни разлуки.

Однажды почтальон вручил ей сразу три письма. Два из них были от Юрия и Бориса. Оба брата спрашивались о судьбе Николая. На третьем конверте был незнакомый почерк, — и это сразу же встревожило Александру Алексеевну. Когда она вскрыла конверт, в нем оказалось письмо от командования части, где служил Николай. В письме за подписью дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Кравченко сообщалось следующее:

„Ваш сын Николай Александрович Морозов героически дрался с врагами родины — немецкими фашистами... От его пуль нашли себе могилу сотня фашистских солдат. Он уничтожил семь вражеских самолетов, несколько зенитных установок и автомашин.

Николай Морозов был преданным сыном родины, бесстрашным бойцом, смелым летчиком. Он бил врагов на земле и в воздухе. Он погиб 24 июля при выполнении боевого задания, как герой отечественной войны. Николай Морозов честно выполнил свой долг перед родиной и партией Ленина — Сталина. Командование высоко оценило заслуги Вашего сына.

Память о Вашем сыне-герое будет жить в сердце каждого патриота и воина нашей родины. Наше советское правительство не забудет Вас, воспитавших сына-героя“.

Тяжела была утрата. Тяжела была материнская скорбь. Но мать Николая Морозова, как истинно советская женщина, не склонилась под тяжестью горя.

— Как ни глубока моя скорбь, — говорила она друзьям

сына, — я сумею перенести ее. Сердце мое наполняется гордостью от одной мысли, что мой сын, сокол мой ясный, погиб как герой. И я знаю, что проклятые наши враги дорого заплатят за его смерть. Когда я слышу в небе шум мотора, сердце мое рвется к сыновьям, и мне хочется благословить их на новые ратные подвиги. И хочется сказать им: будьте такими же, как ваш брат Николай, — отважными, бесстрашными сталинскими соколами. Беспощадно разите фашистских стервятников, как разил их ваш брат.

Сотни и тысячи ивановцев, подобно летчику Николаю Морозову, честно и самоотверженно выполняют свой долг перед родиной, сражаясь против озверевших полчищ германского фашизма. И родина, подобно матери Николая Морозова, благословляет своих сыновей на новые подвиги и говорит им:

— Во имя спасения родной страны, во имя свободы и счастья советского народа и всего человечества, во имя вождя народов великого Сталина будьте так же бесстрашны и доблестны в борьбе против немецкого фашизма, как были бесстрашны и доблестны ивановские ткачи в боях с интервенцией и белогвардейщиной. Подобно Николаю Морозову, подобно Героям Советского Союза Мишулину и Рыжикову — свято чтите боевые традиции иваново-вознесенского пролетариата и неуклонно поддерживайте их в ваших ратных подвигах!

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or title.

Second block of faint, illegible text, appearing as several lines of a letter or document.

Third block of faint, illegible text, continuing the document's content.

Large block of faint, illegible text occupying the bottom half of the page, likely the main body of the document.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первые битвы	3
В огне гражданской войны	10
1. На Колчака	10
2. Гибель Маруси Рябиной	16
3. На подступах к Уфе	18
4. Енавкинское дело	22
5. С ними говорил Ленин	23
6. Большевик, воин, поэт	26
Страна под ударом	31
1. Через два десятилетия	31
2. Родина в опасности. К оружию!	33
3. Все для фронта	37
4. До последней капли крови	40
5. Не давая врагу передышки	47
6. Бессмертные имена	50

Редактор *М. Х. Кочнев.*

*

Подписано к печати 8/XI
1942 г. КЕ 24980. Печ. л. 3 1/4.
Уч.-изд. л. 3,4. В печ. л.
39744 экз. Тираж 5000 экз.

*

Типография издательства
Ивановского областного
совета депутатов труда-
ющих. Иваново, Типограф-
ская, 4. Заказ № 3856.

*

Цена 70 коп.

1894

70 ноп.

